

ПИСЬМА К. Н. ЛЕОНТЬЕВА к А. А. ФЕТУ (1883–1891)

Публикация О. Л. Фетисенко

В записках «Моя литературная судьба» (1874) Константин Леонтьев выразил свое отношение к Фету поэтической строкой собственного сочинения: «Улан лихой, задумчивый и добрый».¹ Поэзия этого «улана лихого» была ему близка с юности.² В обращенной к Фету-юбиляру статье «Не кстати и кстати» (1889) Леонтьев признавался: «Вы давно знаете, как высоко я ценю ваши стихи; для вас это не новость; я с 20 лет уже был одним из тех немногих, о которых вы говорите в вашем последнем, столь искреннем и прекрасном, стихотворении...

Полвека ждал друзей я этих песен,
Гадал о тех, кто им живой приют...».³

В романе «Египетский голубь» (1881–1882) Леонтьев вспоминал свою молодость и увлечение европейским романтизмом «от самого чистого аскетического романтизма Тогенбурга» до «того тонкого и благо-

¹ *Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб., 2003. Т. 6. Кн. 1. С. 70 (далее сокращенно: *Леонтьев*). О Фете Леонтьев в 1850-е гг. слышал рассказы И. С. Тургенева (ср.: Там же. С. 52) и отмечал впоследствии, что кроме Тургенева и Фета в то время ему «из литераторов и ученых лично никто не нравился для общества и жизни» (Там же. С. 70).

² Столь же сильно Леонтьев в те годы увлечен стихами Лермонтова, Кольцова и Огарева.

³ *Леонтьев*. Т. 8. Кн. 1. С. 625. Название статьи приводится в том виде, в каком оно напечатано в собр. соч. Леонтьева, однако редакция обращает внимание читателя на то, что по современным нормам правописания наречия пишутся слитно. — *Ред.*

рожденного обоготворения изящной плоти, которой культом так проникнуты стихи Гёте, Альфреда де Мюссе, Пушкина и Фета».⁴ Именно свойственной этим поэтам «потрясающей музыки страстных чувств и наслажденья живой и тонкой мысли» не хватало писателю на Востоке, в среде, где он оказался волею судьбы. Правда, после пережитого в 1871 году религиозного обращения и данного тогда же обета постричься в монахи (исполненного лишь через 20 лет, но по-новому выстроившего всю жизнь Леонтьева на все это двадцатилетие) эта «блестящая ария страстной любви»⁵ будет восприниматься уже иначе, и тогда и Гёте, и Фета Леонтьев — не меньше ценя их и не бросая чтения их стихов — отнесет к поэтам, опасным для неокрепших душ.

«Гёте, Байрон, Беранже, Пушкин, Батюшков, Лермонтов, самый этот теперь столь дряхлый Аф. Аф. Шиншин <так!>, — писал он А. Александрову в 1887 году, — и даже древние поэты, с которых духом я был знаком по переводам и критич<еским> статьям — с этой стороны в высшей степени развратили меня. — Да и почти все (самые лучшие именно) поэты, за исключением разве Шиллера и Жуковского, — (надо христианину иметь смелость это сказать) — глубокие развратители в эротическом отношении и в отношении гордости!».⁶

Самые любимые стихи этого опасного, но не менее притягательного для Леонтьева поэта перечислены в письме к Фету от 28 июля 1891 года: «Фантазия» («Мы одни; из сада в стекла окон...»),⁷ «Шепот, робкое дыханье...», «Растут, растут причудливые тени...». О любви к последнему стихотворению свидетельствует упоминание о нем в незавершенном романе «От осени до осени» (единственном, уцелевшем от сожженной в 1871 году эпопеи «Река времен»). Слова о Фете отданы персонажу, прототипом которого послужил сам Леонтьев, — Андрею Львову.

⁴ Там же. Т. 5. С. 230.

⁵ Там же.

⁶ Письмо к А. А. Александрову от 24–27 июля 1887 г. (*Александров А. И. Памяти К. Н. Леонтьева. II. Письма Леонтьева к Анатолию Александрову. Сергиев Посад, 1915. С. 7; далее сокращенно: Александров; цитаты из писем сверены и в случае необходимости исправлены по автографу: РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 1. № 669; исправления и уточнения специально не оговариваются*).

⁷ Это стихотворение, а также «Весенние мысли» («Снова птицы летят издалека...») и «Облаком волнистым...» цитируются в статье «Не кстати и кстати» (*Леонтьев. Т. 8. Кн. 1. С. 630–632*). К числу любимых стихов относилось и «Скучно мне вечно болтать...»: Леонтьев цитировал его в поздних мемуарных произведениях (в воспоминаниях о Тургеневе и в очерках «Сдача Керчи») и в незавершенной статье «Чужим умом» (1890 или 1891).

Встречая только что приехавшую из провинции бедную молодую родственницу, рассчитывающую на место гувернантки, он в разговоре с ней помянул Фета, а на признание собеседницы в незнании «ни Ж. Фавра, ни Белинского, ни Фета» воскликнул: «Фета не знаете? <...> Того, который написал:

Растут, растут и т. д.

Кого ж вы знаете... Вы, может быть, знаете Некрасова...». И добавил с иронией: «Некрасов особенно блещет благозвучьем <...>».⁸

Вполне возможно, что с собственной женой (гречанкой, дочерью феодосийского рыбака) у Леонтьева происходил диалог, подобный тому, что описан позднее в романе «Две избранницы» (1872–1885). Главный герой этого романа, Матвеев, рассказывает о своей жене (он в молодости похитил ее из царьградского заведения того сорта, который в России называли «пансионом без иностранных языков»): «...она очень любит стихи Фета и спрашивала раз у него: „Скажи мне, Саша, кто это Фета написал?“ А потом, когда Матвеев объяснил ей, что Фета написал Фет, как она испугалась и, всплеснув руками, с отчаянием воскликнула: „Что ты говоришь! <...>“».⁹

В самом же лиричном из романов Леонтьева — «Египетский голубь» — поэтический мир Фета вторгается в историю любви главного героя. Чувству Владимира Ладнева (героя-рассказчика) к *изящной* Маше Антониади, одесской гречанке, жене хиосского купца, словно аккомпанирует фетовское стихотворение «Свеж и душист твой роскошный венок...». «Я с таким невыразимым восторгом перечитывал и повторял наизусть то Пушкина, то Фета:

Свеж и душист твой роскошный венок...

Вот что мне было нужно, вот чего я искал <...>! В Маше Антониади было именно то, что мне было нужно. В ней было нечто такое, что меня томило; в ней как будто таилось что-то изящно-растлевающее, нечто тонко и сдержанно безнравственное, нечто едкое и душистое, доброе и лукавое, тщеславно милое, — одним словом, что-то такое, что заставляло меня глубоко „вздыхать“, вздыхать *счастливо*, вздыхать от той сладкой сосредоточенности, которая теснит грудь и открывает пред влюбленную мыслью бесконечные и восхитительные, в самой неясности своей, перспективы...».¹⁰

⁸ Леонтьев. Т. 5. С. 53.

⁹ Там же. С. 149.

¹⁰ Там же. С. 243.

Далее в романе благоуханное стихотворение Фета будет приведено целиком: Ладнев его декламирует «вполголоса и оглядываясь», бродя по адрианопольским улочкам.¹¹ В незавершенном продолжении романа неточно цитируется стихотворение «Ты говоришь мне: прости!..».¹²

Высказанное героем романа «От осени до осени» желание «писать стихи хоть так, как Фет» отзовется в более позднем признании Леонтьева: «Я желал, чтоб повести мои были похожи на лучшие стихи Фета, на полевые цветы, собранные искусной рукою в изящно-бледный и скромно-пестрый букет; на кружева „настоящие“, на „point-carré“,¹³ на фарфоровые белые сосуды с бледным и благородным рисунком...».¹⁴ Это сказано о так называемых «восточных повестях», которые Леонтьев писал с конца 1860-х годов. Они действительно похожи на «лучшие стихи» любимых леонтьевских поэтов. Стоит вспомнить, какие имена назвал С. Н. Дурылин, размышляя о «сказочных русских писателях», в само существование которых в России «едва веришь»: «Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Фет, К. Леонтьев (восточные повести)» — «Чудесная сказка, снившаяся России».¹⁵

Личное сближение Фета и Леонтьева произошло много позже, в Москве, в 1880-е годы, когда Леонтьев исполнял обязанности цензора и цензуровал несколько новых книг Фета, но, конечно, этому сближению способствовала и «близость идей»: новые знакомые еще с 1860-х годов были завзятыми консерваторами. Известен один образчик их бесед. В самом конце незавершенной статьи «Кто правее?», над которой Леонтьев работал до последних дней своей жизни, приводятся слова Фета. Он, конечно, не назван по имени и даже слово «поэт» для большей «маскировки» Леонтьев в итоге заменил на «писатель», но — особенно из нашего времени — не узнать «помещика Шеншина» просто невозможно. Вот этот фрагмент:

«Один из весьма известных писателей наших (и в то же время опытный хозяин и богатый помещик), говоря однажды о взглядах Аксакова,

¹¹ Там же. С. 300.

¹² Там же. С. 419. Все приведенные выше примеры могли бы дополнить известную заметку И. Г. Ямпольского «Фет и его лирика на страницах русских прозаиков второй половины XIX и начала XX века» из его цикла «Из заметок историка литературы» (РЛ. 1992. № 2. С. 83–86).

¹³ Вид кружева.

¹⁴ РГИА. Ф. 1120. №. 87. Л. 29, письмо к Вс. С. Соловьеву от 18 июня 1879 г.

¹⁵ Дурылин С. Н. В своем углу. М., 2006. С. 120, 121.

выразился так: „Вот Аксаков говорит все о „внутренней правде“, присущей русскому человеку; и о том, что за внешней правдой он не гонится и договора не признает. — А я скажу, если он не признает договора и внешней правды не любит, — так надо за это сечь!“». ¹⁶

Более частому общению способствовала и московская «география» их жилищ: с осени 1883 года Леонтьев нанимал квартиру в деревянном доме А. Н. Авдеевой в Денежном переулке, ближе к его впадению в Малый Левшинский, ведущий к Пречистенке, переулочек. Денежный идет параллельно фетовской Плющихе (чуть под углом к ней), разделены они только Смоленским бульваром. Так что Леонтьев мог бы приходиться к Фету и пешком, но болезнь не позволяла ему подобных прогулок в холодное время года (с ноября по апрель он старался вообще как можно реже выходить на улицу): приходилось нанимать извозчика (в письме от 3 февраля 1888 г. Леонтьев вспоминает «огни окон московских» по дороге «в санях» на Плющиху).

С 1887 года (года выхода Леонтьева в отставку и переезда в Оптину Пустынь) посредником в общении с Фетом становится один из его учеников — филолог и поэт Анатолий Александрович Александров (1861–1930). ¹⁷ Леонтьев познакомил его с Фетом еще в 1885 году, а затем, после того как будущий монах Климент оставил Москву, Александров стал довольно регулярно посещать Фета и сообщать об этом своему наставнику. По просьбе Леонтьева, Фет в начале 1886 года сочиняет от его имени акrostих «Александрову», а Леонтьев вписывает его в даримый молодому человеку томик Собрания стихотворений Фета (издание 1863 г.). ¹⁸

Знакомству Фета с новыми произведениями Леонтьева поспособствовал и близкий приятель поэта, шталмейстер Иван Петрович Новосильцов (1827–1890). ¹⁹ В 1889 году Новосильцов обсуждает в перепис-

¹⁶ Леонтьев. Т. 8. Кн. 2. С. 177–178. Знаменательно признание в письме к Фету от 12 ноября 1890 г.: «Я помню все ваши беседы хорошо».

¹⁷ См. подробнее: Фетисенко О. Л. Акrostих А. Фета «Александрову» и его «адресаты» // *Фетовские чтения (XXI)*. С. 18–33, далее: *Акrostих*. Под «адресатами» здесь подразумеваются как раз Леонтьев и Александров.

¹⁸ См.: Мединцева Г. Л. «За рубежом вседневногo удела...» (По материалам юбилейной выставки Фета в Государственном литературном музее) // А. А. Фет — поэт и мыслитель. К 175-летию со дня рождения А. А. Фета. М., 1999. С. 303.

¹⁹ См.: Письма И. П. Новосильцова к А. А. Фету (1883–1890) / Публ. Е. В. Виноградовой: 1) Часть I (1883–1884) // *Ежегодник РО ПД (2001)*. СПб., 2006. С. 179–217; 2) Часть II (1885–1888) // *Ежегодник РО ПД (2005–2006)*. СПб., 2009. С. 443–512; 3) Часть III (1889–1890) // *Ежегодник РО ПД (2007–2008)*. СПб., 2010. С. 252–294.

ке с Фетом леонтьевскую брошюру «Национальная политика как оружие всемирной революции»²⁰ и даже намеревается познакомить с ней Александра III — через греческую королеву Ольгу Константиновну (что не удастся).²¹ Александров же сообщает Леонтьеву подробности о праздновании «пятидесятилетия музы» Фета и знакомит со своими стихами, поднесенными юбиляру в те дни. Он же занимается и устройством в печать леонтьевской статьи «Не кстати и кстати», имевшей подзаголовок «Письмо А. А. Фету по поводу его юбилея».²²

Фет интересен Леонтьеву как чистый лирик и как «человек жизни»,²³ как переводчик Шопенгауэра, Гёте и Горация и как помещик-эмпирик. Для «милитариста» Леонтьева огромное значение имело и то, что Фет был военным. Молодым друзьям жизнь Фета-Шеншина ставится в пример как уникальный случай сочетания поэзии («чистого искусства», «песен чудного дара») и житейской практичности. «Достоинство, с которым всегда держал себя Фет, вопреки грубейшей к нему несправедливости критики и дурацкой публики нашей, значительно зависело от того, что он сперва был лихим уланом и кирасиром (и *от души*), а потом серьезным хозяином, помещиком и мировым судьей; а не был *только* писателем».²⁴

Иногда, впрочем, Леонтьев и подсмеивался над чрезмерностью фетовской «практичности» и, возможно, именно певца «Вечерних огней» подразумевал близкий автору персонаж незавершенного романа «Подруги» (1890), высказывая такое житейское наблюдение: «Идеалисты-поэты иногда отлично обделывают свои дела <...>».²⁵ Но можно вспомнить и другое: практичность ставится Леонтьевым в заслугу его любимцу, рано умершему талантливому дипломату кн. А. Н. Цертелеву: «Я с самого начала <...> видел в нем не просто умного и способного юношу <...> а именно *героя*... Героя очень веселого, счастливого и в высшей степени *практического*; ... человека редко (я думаю даже никогда) *себя не забывавшего*; ... героя, вовсе, вероятно, *не идеального* в смысле

²⁰ Именно от него Фет и получил в июне эту (вышедшую в начале февраля) брошюру, Леонтьев же исправил свою оплошность, только получив от Фета письмо с хвалебным отзывом о «Национальной политике...». См.: Леонтьев. Т. 8. Кн. 2. С. 1141–1142.

²¹ См.: Там же. С. 1142–1143.

²² См. об этом: Там же. С. 1181–1185.

²³ Так Леонтьев сказал о Достоевском: «человек жизни, а не теории» (Там же. Кн. 1. С. 481).

²⁴ РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. № 100. Л. 36–36 об., письмо к о. И. Фуделю от 14 марта 1889 г.

²⁵ Леонтьев. Т. 5. С. 551.

какой-нибудь внутренней и добросовестной задачи... <...> человек очень сложный, изящный, занимательный, многосторонний <...>». ²⁶ Такой «многосторонностью» привлекал Леонтьева и Фет.

Леонтьев любит перечитывать или просто припоминать «*прежнего*» Фета, ²⁷ но негативно относится к поздней его лирике: «...сызнова с большим удовольствием и чувством перечитывал все эти дни его старые (т. е. *молодые*) стихи; но его „Вечерними огнями“ восхищаться как другие — решительно не могу! „Люблю тебя“ (кх, кх, кх!); „Ты села, я стоял“ (кх, кх, кх!). Не понимаю! И совершенно согласен с Вольтером, который сказал: „Старая лошадь, старая возлюбленная и старый поэт — никуда не годятся, я предпочитаю — старого друга, старое вино и старую сигару!“». ²⁸

По собственному признанию Леонтьева, только личное вмешательство старца Амвросия остановило его от печатного обличения «старого поэта» за новейшую любовную лирику. ²⁹

В письме к Александрову от 3 мая 1890 года Леонтьев еще более резко: «Наши старые поэты все давно уже какими-то рвотными конфетками нас угощают, и Фет, и Майков <...>». ³⁰ Впрочем, едва ли он был неискренен, когда в январе 1891 года благодарил за присланный четвертый выпуск «милых и благоухающих» «Вечерних огней», а в 1889-м называл юбилейные чествования Фета «праздником чистой поэзии» и «довольно редкой в современной России вещью — *торжеством правды*, хотя бы и поздней», сожалел, что не может ни пожать руки, ни обнять, ни «поздравить вместе с другими» маститого поэта. ³¹ Талант Фета Леонтьев считал «огромным» и «тонким», ³² в статье «Не кстати и кстати» он открыто заявляет себя сторонником его поэзии, называя тех, кто «до сих пор у нас находят, что ваша поэзия бесполезна, ибо из нее сапог не сошьешь», «людьми без вкуса». ³³

²⁶ Леонтьев. Т. 6. Кн. 1. С. 389.

²⁷ Александров. С. 6, письмо к Александрову от 24–27 июля 1887 г.

²⁸ Там же. С. 60, письмо к Александрову от 17 февраля 1889 г.

²⁹ Там же. «Хотел было я, — сообщал Леонтьев, — к первому письму <...> прибавить и второе о разнице между его утренними и вечерними огнями, с дружеским советом о любви умолкнуть: но, вообразите, о. Амвросий, узнавши от кого-то со стороны о моем намерении, прислал мне из скита *запрет*, — сказал: „Пусть уж старика за любовь-то не принимает. Не надо!“ Я конечно, очень охотно положил „дверь ограждения на уста мои“».

³⁰ Там же. С. 95.

³¹ Леонтьев. Т. 8. Кн. 1. С. 636.

³² Там же. С. 626.

³³ Там же. С. 631.

Конечно, наиболее интересный для филологов эпизод переписки — замечания Леонтьева о стихотворении Фета «Королеве эллинов Ольге Константиновне 11 июля 1891 года» и реакция на них поэта. Стихотворение это было написано к именинам королевы, которой Фет уже и до этого посвящал стихи. 4 июля поэтическое посвящение было послано младшему брату королевы, вел. кн. Константину Константиновичу (К. Р.) и своевременно легло на стол «царственно благой» Ольги.³⁴ 22 июля Фет приложил это стихотворение к письму Леонтьеву, желая услышать «о нем мнение, хотя бы самое нелестное».³⁵ Поэт поступил так не потому, что сомневался в достоинствах своего нового произведения, но, как он объяснил в письме к К. Р. от 10 августа, «на радости»: «Умиленный неизреченно милостивою телеграммою Ее Величества Королевы Эллинов, я на радости послал мое стихотворение к Ней — проживающему в Оптиной Пустыни писателю Конст<антину> Ник<олаевичу> Леонтьеву, так лестно отозвавшемуся о моей эпиталяме Его Высочеству Павлу Александровичу».³⁶

«Мнение», изложенное Леонтьевым в письме от 28 июля, действительно оказалось «нелестным», но Фет признал письмо «оптинского отшельника» за настоящую и «вполне правильную рецензию»³⁷ и согласился почти со всеми замечаниями, подробно ответив на каждое из них.³⁸ Без изменений осталась лишь вторая строфа:

И вот прошло тысячелетье,
И над полуночной страной
Склонилось древа жизни ветье
Неувядающей весной.³⁹

³⁴ См.: Соколова М. А., Грамолина Н. Н. Примечания // Фет А. А. Вечерние огни / Изд. подгот. Д. Д. Благой, М. А. Соколова. 2-е изд. М., 1979. С. 762. (Лит. памятники).

³⁵ Письма А. А. Фета С. А. Петровскому и К. Н. Леонтьеву / Подгот. текста, публ., вступит. заметка и примеч. В. Н. Абросимовой // Филология = Philologica. М.; Лондон, 1996. Vol. 3. № 5/7. С. 297.

³⁶ *ИРЛИ*. Ф. 137. № 76. Л. 170 об. В письме к Леонтьеву от 22 июля 1891 г. Фет также сослался на его благоприятный отзыв об этой эпиталяме (*Philologica*. 1996. Vol. 3. № 5/7. С. 297).

³⁷ *Philologica*. 1996. Vol. 3. № 5/7. С. 298 (письмо от 2 августа 1891 г.).

³⁸ См. примечания к письму Леонтьева от 28 июля 1891 г.

³⁹ Фет А. А. Вечерние огни. С. 399. Точнее, изменена вторая строка этой строфы (было: «И над полночною страной»). В издании «Литературных памятников» варианты этого текста не приведены.

Замечания носили главным образом стилистический характер (чистота и выразительность языка — это конек Леонтьева), но ряд упреков был обоснован и богословски, с точки зрения «понятий православной веры», как выразился в письме сам Леонтьев.

Уже 2 августа Фет отправил в Оптину Пустынь новую редакцию поэтического посвящения и, дождавшись благоприятного ответа⁴⁰ или вскоре перед его получением, вновь написал великому князю: «...Леонтьев прямо указал мне на неудовлетворительные места стихотворения, начиная с того, что с точки зрения православия Ольга приобрела *душу живу* у греков, а не отдала, и что изображение Королевы носительницей Христа при посредстве сына Христоносца до непонятности смело и резко, а устранение такого намека устраняет и подчеркивающий перевод в последней строке на русский язык греческого Христофора».

«Конечно, — писал далее Фет, — я с обычной признательностью принял справедливые замечания Леонтьева. Не будь это стихотворение формально посвящено Королеве и не получи я за него высочайшей награды в виде телеграммы, я бы мог просто устранить это стихотворение из сборника как неудачное. Но в настоящее время я не могу не желать повергнуть к стопам Ее Величества исправленного варианта, который при жизни моей или после смерти должен войти в печатный сборник моих стихотворений.

Смею надеяться, что пока еще Ее Величество не покинула Своей родины, Ваше Высочество не откажется представить Ей прилагаемый вариант».⁴¹

В новой редакции стихотворение было напечатано лишь в 1894 году, в первом посмертном издании стихотворений Фета, которое подготовили Н. Н. Страхов и К. Р. Правда, в раздел стихотворений «Приготовленных для пятого выпуска» оно не вошло, а было произвольно, как и многие другие стихотворения, помещено в раздел «Послания, посвящения и стихотворения на случай».⁴²

Следует сказать еще об одной теме. Леонтьев, склонный, по замечанию одного из его ближайших учеников, к миссионерству и прозелитизму,⁴³ не мог оставаться спокойным к казавшейся ему неопределен-

⁴⁰ Письмо Леонтьева датировано 7 августа.

⁴¹ *ИРЛИ*. Ф. 137. № 76. Л. 170 об.–171.

⁴² *Фет А.* Лирические стихотворения: В 2 ч. СПб., 1894. Ч. 2. С. 318.

⁴³ Меткое наблюдение прот. И. Фуделя из его воспоминаний о Леонтьеве в форме письма к С. Н. Дурылину (см.: «Преемство от отцов». Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Изд. подгот. О. Л. Фетисенко. СПб., 2010 (в печати)).

ности религиозного положения Фета. «Я счастливый, а Фет несчастный — в своем атеистическом ослеплении!»⁴⁴ С самим поэтом он заговаривал об этом с осторожностью (это хорошо видно по его письму от 3 февраля 1888 г.). «...Вообразите, — сообщал он Александрову 7 сентября 1889 года, — Погожев⁴⁵ говорит, что Фет содержит *посты* и даже будто бы Рождеств<енским> Постом Велик<ого> Князя Конст<антина> Конст<антиновича> накормил постным обедом. — Нельзя ли разузнать об этом наверное. — Мне и не верится; — до того это приятно!».⁴⁶ А в письме к Фету от 12 ноября 1890 года миссионерский дух побеждает светскую толерантность, и Леонтьев уже решается и на маленькую проповедь.

К сожалению, письма Фета к Леонтьеву не сохранились, кроме двух, упомянутых выше — от 22 июля и 2 августа 1891 года,⁴⁷ а ведь Леонтьев признавался: «Я его письмами очень дорожу»,⁴⁸ давал их читать друзьям. Больше всего его обрадовал отклик Фета на брошюру «Национальная политика...». В записке Э. К. Вытропскому (будущему монаху Эразму), датируемой до 11 июля 1889 года, Леонтьев так рекомендовал это письмо: «Не хотите ли прочесть прилагаемое письмо Фета-Шеншина; вероятно, оно по единомыслию доставит Вам удовольствие».⁴⁹ С удовольствием он вспоминал фразы из этого письма и через год-два в письмах к о. И. Фуделю от 23 мая 1890 года («...Фет, который выразился в письме про мою брошюру „Национ<альная> политика“ так: „Назвать эту книгу *хорошей* — нельзя, этого мало, как нельзя назвать Эйфелеву башню просто высокой“»⁵⁰) и к Т. И. Филиппову от 29 марта 1891 года:

«Года должно быть полтора тому назад я получил от Фета-Шеншина восторженное письмо по поводу моей брошюры „Национальная политика“. Он приравнивал ее (по размеру задачи) к Эйфелевой башне и прибавил следующие слова: „так как Вы, вероятно, пишете не для нас дураков (т. е. публики русской), а для людей власть имеющих, то сооб-

⁴⁴ Александров. С. 10, письмо от 24–27 июля 1889 г.

⁴⁵ Речь идет о Евгении Николаевиче Погожеве (псевд. — Евг. Поселянин; 1870–1931), начинающем литераторе и православном публицисте, с которым Леонтьев познакомился в Оптиной Пустыни.

⁴⁶ Александров. С. 68.

⁴⁷ Опубликованные В. Н. Абросимовой письма хранятся в фонде Леонтьева в РГАЛИ (Ф. 290. Оп. 1. № 56).

⁴⁸ Александров. С. 67.

⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. № 1011. Л. 7.

⁵⁰ Леонтьев. Т. 8. Кн. 2. С. 1141.

щаю Вам то-то и то-то...“ Это то-то значит, что покойный Новосильцев (неизвестный мне лично), придворный чин и сосед Фету по имению, поверг эту книжку мою на благоусмотрение Государя: „чтобы он мог на досуге во время путешествия прочесть ее“.

По правде сказать, хоть мне и понравилась резкая выходка Фета („не для нас дураков“), но писал я и пишу обыкновенно вовсе не мечтая, как он думает, о влиянии на сильных мира сего. Я пишу (как я и не раз Вам, кажется, признавался) чаще всего с какой-нибудь нравственно-практической целью, или даже просто хозяйственной». ⁵¹

Нельзя сказать, что письма Леонтьева к Фету оставались в полной безвестности. Одно из них, от 12 ноября 1890 года, было опубликовано Александровым вскоре после смерти Фета. ⁵² Возможно, хотя бы часть писем планировалось включить в один из последних томов издаваемого прот. И. Фуделем леонтьевского собрания сочинений, прерванного с началом Первой мировой войны. Большую часть писем скопировал (возможно, для задуманной публикации) С. Н. Дурюлин. ⁵³ О. В. Цехновицер процитировал письмо от 14 августа 1889 года. ⁵⁴ Два письма (от 3 февраля 1888 и 12 ноября 1890) вошли в томик «Избранных писем» Леонтьева, но с неточностями и без сколько-нибудь серьезных комментариев. ⁵⁵ Содержание остальных писем оставалось неизвестным широкому кругу исследователей.

В настоящей публикации представлены все сохранившиеся письма Леонтьева к Фету. Письма печатаются по подлинникам (*ИРЛИ*. № 20284; письмо от 12 ноября 1890 года: *РГАЛИ*. Ф. 515. Оп. 2. № 3. Л. 1–3 об.), с приближением к современной норме правописания, но с сохранением важнейших свойственных текстам Леонтьева орфографических и пунктуационных особенностей.

⁵¹ «Брат от брата помогаем...» (Из неизданной переписки К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова) / Вступит. статья, подгот. текста и примеч. О. Л. Фетисенко // *Нестор*. 2000. № 1. С. 188–189.

⁵² *Русское обозрение*. 1893. Т. 20. № 4. С. 842–844.

⁵³ *РГАЛИ*. Ф. 2980. Оп. 1. № 1022.

⁵⁴ *Цехновицер О.* Литература и мировая война. 1914–1918. М., 1938. С. 25, 138.

⁵⁵ *Леонтьев К.* Избранные письма. 1854–1891 / Публ., предисл. и коммент. Д. Соловьева. СПб., 1993. С. 335–341, 514–516.

1

26 ноября 1884 г. Москва

26 ноября 1884. М<осква>.

Так как Председатель¹ заблагорассудил написать об Ювенале² в Петербург и так как в новых гранках есть весьма непристойное место (об евнухах),³ то не посетуйте на меня, Афанасий Афанасьевич, что я эти гранки продержу до Комитета (до середины).⁴ — Собирался вчера к Вам сам, но гости задержали.

Готовый к услугам К. Леонтьев.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ. № 20284. Л. 1.

¹ Речь идет о *Вениамине Яковлевиче Федорове* (1828?—1897) — председателе Московского цензурного комитета с марта 1884 г.

² Имеется в виду книга: Д<еция> Юния Ювенала сатиры в переводе и с объяснениями А. Фета. М.: Тип. М. Г. Волчанинова (бывшая М. Н. Лаврова и К^о), 1885. 245 с. Интересно, что здесь на обороте титула указана дата цензурного допущения к печати — 9 ноября 1884 г. На деле, как видим, разрешение было получено значительно позже. Не случайно в предисловии к книге Фет упомянул о «цензурных волнах».

³ В результате цензурского вмешательства Леонтьева из сатиры VI (известная сатира на женщин, составившая вторую книгу сатир Ювенала) были исключены стихи 370–373 (заменены на отточия). См.: Там же. С. 102. Весь же фрагмент о евнухах составляют стихи 366–378.

⁴ Следующее заседание Московского цензурного комитета состоялось 28 ноября 1884 г. См.: ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 3. № 2175. Л. 184–186 об.

2

5 декабря 1884 г. Москва

Ваша брошюра, Афан<асий> Аф<анасьевич>, о *землевладении*¹ досталась по очереди цензору *Назаревскому* (Владимиру Владимир<овичу>);² — *Садовая*; ок<оло> *Каретного* ряда; д. *Армянского*). — Будет готова *через два дни*; просит за нею на дом прислать. — *Вставку*^а вашу я ему передал.

5 дек<абря> 1884. М<осква>.

Душ<евно> пред<анный> К. Леонтьев.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ. № 20284. Л. 2.

^а Вставку — *подчеркнуто два раза*.

К. Н. Леонтьев
Фотография. 1880-гг.

¹ Очевидно, имеется в виду анонимно изданная брошюра Фета «На распутии. Нашим гласным от негласного деревенского жителя» (М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1884). Впрочем, «анонимность» здесь лишь частичная: «Деревенский житель» — хорошо известный псевдоним Фета-публициста. Сообщено Н. П. Генераловой.

² *Назаревский Владимир Владимирович* (1851–1919) — сотрудник «Московских ведомостей», цензор (1881–1895), впоследствии председатель Московского цензурного комитета.

3

25 февраля 1885 г. Москва

25 февр<аля> 1885. М<осква>.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич; будьте так добры, напишите мне просто *на этой бумажке* верный адрес *Федора Евг<ениевича> Корша*;¹ мне очень нужно по одному делу; — Эберман² у него был, но из этого свидания ничего не вышло; — думаю сам съездить. —

Александрову передал Ваше желание видеть его у себя; — но у него еще болит нога; как начнет ходить, так я его привезу.³

Ваш К. Леонтьев.

На конверте: На Плющихе; собственный дом.
Его высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20284. Л. 3.

¹ *Корш Федор Евгеньевич* (1843–1915) — филолог, переводчик, публицист, профессор античной словесности Московского университета.

² *Эберман Владимир Михайлович* (1845–?) — корректор, литератор. Леонтьев писал о нем Т. И. Филиппову 3 июня 1885 г.: «Есть в Москве некто Эберман, как водится, „образованный пролетарий“ *очень хорошего* направления, умный, не лишенный даже и литературных способностей, обремененный женой с 3-мя детьми и постоянно бьющийся в безвыходной нужде» (*РГАЛИ*. Ф. 2980. Оп. 1. № 1023. Л. 104). Отец его был английским подданным, а сам Эберман перешел в персидское; он служил корректором в типографии М. Н. Лаврова, но при смене владельца типографии был уволен. Помогали ему Вл. С. Соловьев и Леонтьев. Последний использовал его как ходатая по делам — «агента по типографиям, редакциям и т. п. „интеллигентным“ трущобам» (Там же) и платил ему 10% от своих гонораров. Впоследствии с помощью Филиппова Эберман был устроен на службу в Московскую контрольную палату. О каком деле, в котором Леонтьеву мог быть полезен в то время Ф. Е. Корш, идет речь, установить не удалось.

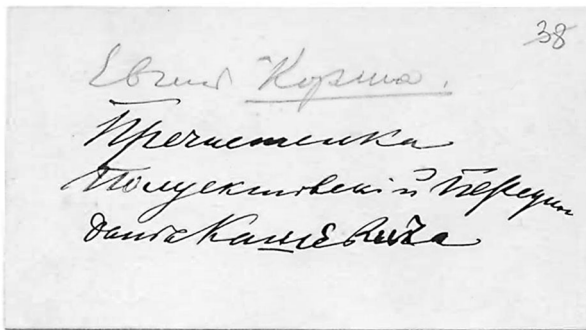
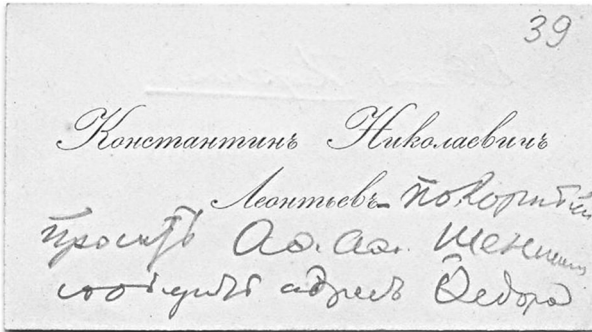
³ А. А. Александров (см. о нем во вступит. статье) повредил ногу в декабре 1884 г., когда отправился во время каникул к родным.

4

25 февраля 1885 г. Москва

Константин Николаевич Леонтьев покорнейше просит Аф<анасия> Аф<анасьевича> Шеншина сообщить адрес Федора Евгеньев<ича> *Корша*.

На конверте: Его высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.

Визитная карточка К. Н. Леонтьева с письмом
к Фету от 25 февраля 1885 г.

На обороте — ответ Фета

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20284. Л. 39. Записка на визитной карточке с надписью: «Константин Николаевич Леонтьев». На обороте — рукой Фета адрес Ф. Е. Корша: «Пречистенка. Полукетовский переулок, дом Кашевича».

Датируется по связи с письмом 3.

5

4 февраля 1886 г. Москва

1886, 4 февраля. М<осква>.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, я вовсе уже не так виноват и не так невежлив, как может казаться с первого раза. — Письмо Ваше с прекрасным акростихом¹ я получил во время первого приступа ли-

хорадки и не мог тотчас благодарить Вас и выразить как следует *то, что* я живо чувствовал. — Вечером у меня собрались гости, и при них я лежал в жару; — потом бессонница до 4-х часов утра; потом *весь* понедельник я пролежал с головной болью; потом — *прошлую ночь я во-все опять всю не спал* и пролежал в темноте от 11-ти часов до 7 утра. — Только теперь опомнился. — Меня поэтому — нельзя судить как других. — Страдания моего «лютаго телесе» — слишком уж «многочастны и многообразны!».²

В акrostихе вы удивительно сумели поставить себя на точку зрения *моих* отношений к Александрову. — А приписки вашей об арабском жеребце и об кляче не понял! — Не знаю к чему даже это отнести.

М<арье> Петр<овне> мое глубокое почтение.

Остаюсь преданный вам

К. Леонтьев.

На конверте:

Его высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20284. Л. 5–5 об.

¹ Речь идет об акrostихе А. А. Александрову, написанном Фетом по просьбе Леонтьева:

Ах если б мог в такие лета,
Любимец сердца моего,
Единым звуком я поэта
Коснуться слуха твоего.
Сказал бы я: оставь сомненье,
Алкай незримое познать,
Небесной влаге вдохновенья
Дай волю сердце оживлять,
Расти в душе живую розу.
Отвергни пошлые грехи,
В делах житейских помни прозу,
У сердца сохраняй стихи.

См.: *Акростих*. С. 18–19.

² Ср.: Евр. 1: 1.

6

3 февраля 1888 г. Оптина Пустынь

3 февраля 88. Оптина Пустынь.

А что Вы скажете о моей пронизательности, Афанасий Афанасьевич, — если я Вам побожусь, что, прочитавши в «Моск<овских> ведом<остях>» заметку *Сельского жителя*,¹ — сейчас же сказал себе: «*Это Фет!* Во-первых — эти нападки на *историческое* во имя *немедленной* практической пользы;² — а во-вторых — этот пример *собаки*, которая *счаст*ь трех бекасов не умеет, хотя по-своему и умна.³ — Это фетовский *genre*^a сравнения...».

Подумал и угадал. — Горжусь и хвастаюсь; — но вместе с тем жалею, что вы своим этим уподоблением ставите меня (вообразите!) в неловкое положение... Я хотел было возражать (при случае) этому «Сельскому жителю»; а теперь, благодаря этому смелому и остроумному вашему примеру — боюсь быть противу Вас *невежливым*. — Я было хотел — похваливши предварительно автора за его остроумие — возразить, что есть разные «кабинетные» измышления. — Есть, напр<имер>, — такие глубокие и светлые, что рано или поздно им придется перейти в сознательную, рациональную *практику*.⁶ — Думаю, впрочем, что и ваша милая и умная собачка отчасти права, что эмпирически хватает только тех бекасов, которых видит или чувствует обонянием: — но прав и охотник, который *смотрел выше* и рационально *считал* бекасов.

Кабинетные измышления бывают, я думаю, — двух родов: — одни имеют непосредственную практическую *частную* цель; другие — нечто общее и отдаленное, которое, однако, находит себе приложение и в частностях.

Я согласен, что в *первом* случае — кабинетное хуже простого эмпирического. — Но во 2-м — едва ли... Такова, напр<имер>, моя *гипотеза* о^a разрушительном *смешении* и об *слишком ускоренном движении* жизни, *собственности* и т. д.⁴ — *Динамика* социальная чересчур в наше время взяла верх над *социальной статикой*. — *Собственность*, напр<имер>, надо *прикрепить* законом с *двух* концов — со стороны *самой крупной* и со стороны *самой мелкой*.⁵ — Со стороны дворянства и

^a жанр (*франц.*).

⁶ *Далее зачеркнуто*: Напр<имер>

^b Было: об

со стороны крестьянства; со стороны привилегированного землевладения¹ и со стороны снова подчиненного земледелия.² — И то и другое будет отпором подвижному капитализму, одинаково враждебному и дворянству, и рабочим.

Секите, наказывайте, управляйте даже и жестоко (если это необходимо для государства и *если теперь справитесь*); — но исторической этой общины, напр<имер>, не трогайте; — избавьте нас от западной слишком простой и подвижной и вследствие этого неизбежно революционной антитезы — вольного неприкрепленного капитала (хотя бы и недвижимого, но вполне свободно отчуждаемого) и вольного же батрачества.

Я бы, исходя из моей гипотезы — о необходимости сложного и б<олее> или м<енее> утвержденного легальными стеснениями расчлененного общества, — желал бы для России такого рода устройства:

1) *Две скалы: богатое дворянское имение и с другого конца богатая, сытая, община неотчуждаемых участков.* — Между этими краеугольными скалами, во многих отношениях³ привилегированными; — дать больше воли и меньше привилегий — собственности купцов и разночинцев (и тех дворян, которых охранительные, реакционные реформы застали не в дворянском положении, вроде^ж моего; столбовой без земли⁶). — В среде же дворянства, оставшегося внутри черты новых привилегий, опять устроить некоторую тройственность — меньше отчуждаемости и больше привилегий (земских, судебных, полицейских и т. д.) для самой крупной собственности; гораздо меньше привилегий и строжайшая неотчуждаемость *минимума* (напр<имер> 100 десят<ин>). Большие свободы и³ средние преимущества для всех дворянских земель, помещающихся между 1000 или 2000 десят<ин> (наприм<ер>) и 100 десятин<ами>. (Я думаю, впрочем, что минимум у меня хорош, а максимум низок; не решаю; — сознаю себя в этой частности вашей некомпетентной собакой.)

Живой пример: у меня 300 дес<ятин>; но я всё продаю и продаю; не умею хозяйничать или несчастлив в деле;⁴ — остается 100 дес<ятин> — хочу еще 50 продать; — местное дворянство всем сословием вырывает

¹ Подчеркнуто два раза.

² Подчеркнуто два раза.

³ Далее зачеркнуто: даже

^ж Далее зачеркнуто: как

³ Вписано над зачеркнутым: для

⁴ Далее зачеркнуто: что делать

меня еще раз, за мои другие, личные, достоинства. — Но всё не впрок. — Я подаю *прошение* (кому бы то ни было, не знаю); хлопочу, отказываюсь от некоторых *прав* (как отказывается от них чиновник, выходящий в отставку). — Извольте. — Только теперь ваше политическое^к положение иное; — вы не средний дворянин-землевладелец; — а средний купец или разночинец. — *Социальное* положение Ваше *при Вас*; граф Шувалов, князь Оболенский (богатый) будут очень глупы (по *другим* соображениям), если они не будут вас по-прежнему прекрасно принимать; вы можете понравиться и их дочерям и жениться на них; но *пока* ваше *земско-политическое* положение будет = *вольным, но непривилегированным*^л людям *средней разночинной полосы*.

Внутри крестьянской общины — опять не нужно равенства; — здесь — *некоторое кулачество* должно быть не только терпимо, но и покровительствуемо; богат и *легально-честен* (а *до души* тут не доходить) — имей больше *признанной* власти в общине; — совсем разорился, выходи, но участок *обязана* купить та же община или *принустить* другого на место. — И тут — *ценз*. — Это будет похоже с хозяйствен<ной> стороны на монастыри, *ни равенства, ни свободы*; — а монастыри хозяйничают хорошо.⁷

Куда деться этим *вольным изгоям*? — Можно тут *широко* и *умно* воспользоваться *принципом* свободы. — Пусть нанимается по *своей охоте* в *долгосрочную, контрактную кабалу к дворянам*. — *Формы и срок* этой новой (либеральной) кабалы *установить*. — *К разночинцам в кабалу нельзя*, к ним можно идти лишь по краткосрочным договорам.

Тогда — вы увидите, какой будет *выгодный* и для дворян, и для^м *беднейших крестьян* — антагонизм между общинами и дворянским землевладением. — Будут ласкать и переманивать^н рабочих друг у друга. — А чтобы они не зазнались, то и общины и дворяне будут иметь право их так или иначе *карать*.

Итак — *три тройственности*: А.) дворянство (до 100 десят<ин>); *община*; вольные *разночинцы*.

В.) *Внутри* дворянской черты: неотчужд<аемые> 2000, средние, *более вольные неотчужд<аемые>* 100 дес<ятин>.

С.) *Внутри* общины: *большие* привилегиров<анные> мужики, средние, — *изгой-батраки*.

^к Вписано над зачеркнутым: пол<итическое> / социальное

^л не — подчеркнуто два раза.

^м Далее зачеркнуто: изгоев

^н Было: Будут переманивать и ласкать

(Соловьеву это должно нравиться).⁸

Наконец — пожалуй: — очень богатая, очень большая община или, вернее, *ее представитель* должен равняться *среднему дворянину*; — но не более.

Дворянам из *своего сословия земель не продавать* вообще. — За все эти стеснения, наивысшие политические права; — но с правом как допущения достойных лиц в свое сословие, так и изгнания недостойных.

Боковым линиям царской крови дозволить браки с дворянами. — Это одно и в глазах народа *разом* опять возвысит дворянство.

Я убежден, что я в этой грубой, но ясной схеме, второпях изложенной, сказал много «физиологических», так сказать, истин, которые обдумать не мешало бы и *почтенным эмпирикам* хозяйства и земских дел.

Все моральное, «душевное» — я нарочно оставил тут в стороне; — оно именно подразумевается, ибо только *страхом* и только *экономикой* жить долго люди не могут. — Но это принадлежит к другой области: к религии, педагогике, семейным влияниям, к литературе, наконец...

Вообще надо, чтобы и с этой стороны *русская земля* (о других я знать не хочу) поменьше бы *вращалась* около своей оси и побольше бы стояла на *трех китах*.

Я не хочу быть настолько *компетентнее собаки*, насколько охотник компетентнее ее, — я довольствуюсь ролью *ястреба*, который даже и глупее собаки во многом, но любит *парить*, хотя случается нередко ему по нужде и *на земле* поклевать.

Подымусь и *вижу всех трех* бекасов, которых чисто кабинетный охотник за кустами не видит, а сеттер счесть не может...

«Таков, Фелица, я развратен»⁹ (в моей *гипотетической* самоуверенности!). И вообразите даже — думаю, что если *чего-то подобного* нельзя будет устроить, то и Россия лет через сто, не более — пропала. — Как испанские дворяне, когда уговаривались с своими королями, говорили: «Et si non — non!».^o

Довольно этого неожиданного для меня самого трактата.

В милом и дорогом письме Вашем Вы с удовольствием вспоминаете мое соседство¹⁰ и мои беседы (я так понял это; ибо это гораздо выгоднее для моего тщеславия, чем память об аккуратном цензоре). — Вот я и побеседовал очень длинно.

Присылка Ваших новых «Вечерних огней»¹¹ — была для меня в высшей степени приятным сюрпризом. — Я и не знал об этом *новом*

^o «А нет — так нет!» (исп.).

издании; — но мне попало крупное объявление об «Энеиде» и Шопенгауере,¹² и я, каюсь, согрешил, — подумал — вот — Аф<анасий> Аф<анасьев>ч, как только я уехал,¹³ так он и знать меня не хочет, книг своих не шлет; а мне Шопенгауер («Воля и представ<ление>») страсть как нужны по-русски.¹⁴ И от «Энеиды» жду много удовольствия. — Я и Александро<ву> писал, чтоб он Вам укорил.¹⁵

Ваши поэтические «Вечерн<ие> огни» напомнили мне другие, тоже вечерние, огни — *огни* в окнах московских, когда я ехал, бывало, с таким удовольствием на *Плющиху*. — (Помню даже, что я не раз, в санях сидя, думал: «Какое скверное имя *Плющиха*; не поэтическое! — Это Аф<анасий> Аф<анасьев>ч, должно быть, на ней купил дом нарочно, чтобы и этим доказать, до чего он в практической *жизни* боится поэзии»;¹⁶ все сбирался Вам это сказать — да забыл).

Доброту Марьи Петровны и ее милые заботы о моих физических немощах, о «прокормлении» моем в 10 часов — *никогда не забуду!* Дай Бог ей за это всего хорошего!

Мне здесь живется *очень хорошо*. — Слава Богу. Вещественная моя жизнь понравилась бы Вам, я думаю; — особая усадьба, сад, вид хороший, большой, теплый дом, немного фантастический внутри. — Лошадь своя, корова и т. д. ... *Пишу* (в «Гражданине»;¹⁶ не *удостоили ли* взглянуть?); — езжу по воздуху мало; но езжу. — Следовало бы по совести сказать: и *молось*, и с *духовником*¹⁷ утешаюсь; — но ведь вы из тех людей, которые *умом* допускают и это, но *сердцем* сами не *испытывают* ничего подобного; и потому об этом с вами распространяться не следует. — Прибавлю, впрочем, *без лестии*; я тем более ценю вашу благородную в этом вопросе деликатность; вы никогда *не оскорбляете* того, что для другого святыня.¹⁸ — Это не то что Лев Ник<олаевич> Толстой. — Он, говорят, дошел даже до того, что накидывается в глаза на образованных людей, когда они дерзают «подымать Иверскую»¹⁹ и т. п.

Хороша «любовь» — отымать у людей глубокое утешение. — Пусть это *иллюзия* наша; но она нам дорога и никому не мешает. — Из-за чего же он бьется? — Не ожидал от его *ума* (в *сердце* его я, грешный, не очень верю²⁰). — Это^р в наше время уж и *старо* донельзя, и глупо; а уж что оно с людьми нетвердыми и молодыми — *подло* — так это и говорить нечего. — Сунулся бы со мной потолковать об этом!²¹ — не ожидал от него такого свинства...

¹⁶ Далее зачеркнуто: но

^р Далее зачеркнуто: про

Ну, прощайте; крепко жму Вам руку и даже, если позволите, обнимаю Вас. — М<арье> Петр<овне> еще раз привет сердечный. — Не забывайте

К. Леонтьев<а>.

По ошибке остался листик.

Утешьте Александрова, ободрите его. — Его Ф. Н. Берг^с огорчил не только отказом поместить его стихи, но и тем еще, что написал ему — «что *не верит*, чтоб Фет и Леонтьев нашли у него талант».²²

Как же *не видеть* этого, положим, еще не зрелого и не определившегося, но все-таки несомненного дара.

На конверте: В Москву. — На Плющихе; — собственный дом.

Его высокоородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ. № 20284. Л. 8–13.

Впервые опубликовано: Леонтьев К. Избранные письма. 1854–1891 / Публ., предисловие и коммент. Д. Соловьева. СПб., 1993. С. 335–341; то же: К. Леонтьев — наш современник / Публ. Д. В. Соловьева. СПб., 1993. С. 246–250.

¹ Речь идет о статье «По поводу отзывов земств о преобразовании местных учреждений», подписанной псевдонимом «Деревенский житель» (*МВед.* 1888. 14 января. № 14. С. 3–4). Установлено С. В. Добряковым. См.: Добряков С. В. Незамеченный спор (К. Леонтьев и А. Фет: к истории взаимоотношений) // *Фетовские чтения (XVII)*. С. 239–240.

² Ср.: «...мы мало придаем значения исторической преемственности в делах практических, а потому нисколько бы не удивились, если бы законодательство одавило какие-либо лица или корпорации даже совершенно неисторическими благами. Вопрос не в том, историчен или нет известный дар, а в том, представляет ли он действительное благо или нет» (*Деревенский житель* <Фет А. А.>. По поводу отзывов земств о преобразовании местных учреждений. С. 3).

³ Ср. в статье Фета: «Если собака, чутьем разыскавшая выводок тетеревов и видевшая, как три из них в разных местах упали после выстрела, найдя и принеся двух, никогда не сочтет, что недостает третьего; если попугай, самым отчетливым образом выкрикивающий „прогресс“, никогда не добьется до внутреннего смысла своих речей, то несправедливо считать их душевнобольными. К ним только обращаются требования, превышающие их нормальные силы» (Там же).

^с Далее зачеркнуто: очень

⁴ Гипотеза, изложенная в статьях «Византизм и славянство», «Епископ Никанор о вреде железных дорог, пара и вообще об опасностях слишком быстрого движения жизни».

⁵ Идея, неоднократно высказанная Леонтьевым в его публицистических статьях.

⁶ В 1881 г. Леонтьев вынужден был продать свое заложенное имение соседу-крестьянину, при этом долги в банк (последствия этого залога) он продолжал выплачивать до конца жизни.

⁷ В одной из редакций незавершенной статьи «Культурный идеал и племенная политика» есть сходный фрагмент о том, что нужна «новая, сообразная с требованиями времени организация сословий и общин», предполагающая «деспотизм и неравноправность»: «Помещичьи земли гибнут; — владение ими *слишком свободно*; — всякий может приобрести их и продавать. — Заговори(ли) *основатель(но)* о *неотчуждаемости* дворянских земель. — Крестьянские общины бедствуют; — здесь нет полной свободы *отчуждения*; — но зато слишком много внутреннего равенства; понадобилось усилить дисциплину *извне* и также подумать о меньшей подвижности семейной и общинной жизни. — Монастыри процветают не от *жертв* одних <...> они процветают хозяйственно, потому, во-1-х, что недвижимость их неотчуждаема; — во-2-х, потому что внутри нет ни свободы, ни равенства (*власть* Игумена; *привилегии* иеромонахов, иеродиакон(ов), мантийных и т. д.); в-3-х, потому что движущее ими начало не чисто хозяйственное, не рационалистическое, а *супернатуральное*, религиозное. — Монастыри суть, таким образом, живые образцы *реального* (т. е. возможного), но не *рационалистического социализма*. — Не этот ли экономический идеал и предчувствовал для России Данилевский...» (Леонтьев. Т. 8. Кн. 2. С. 250–251).

⁸ Речь идет о Вл. С. Соловьеве, с которым оба корреспондента были в приятельских отношениях.

⁹ Цитата из оды Г. Р. Державина «Фелица» (1782).

¹⁰ Леонтьев, действительно, был почти «соседом» Фета. См. во вступит. статье.

¹¹ Имеется в виду третий выпуск «Вечерних огней». В продажу это издание поступило в январе 1888 г. (см. объявление: *МВед.* 1888. 17 января. № 17. С. 1).

¹² Речь идет о переводе «Энеиды» Вергилия, выполненном совместно с В. С. Соловьевым, и о втором издании книги «Мир как воля и представление» А. Шопенгауэра (первое вышло в ноябре 1880 г., на титульном листе: 1881), вышедших в Москве в конце 1887 г. (на титульных листах — 1888). Перевод «Энеиды» сопровождался введением и примечаниями Д. И. Нагуевского. Объявление, о котором упоминает Леонтьев, см.: *МВед.* 1887. 27 декабря. № 356. С. 1; 30 декабря. № 359. С. 1.

¹³ Речь идет о переезде Леонтьева в 1887 г. в Оптину Пустынь.

¹⁴ Леонтьев уже давно был знаком с основным трудом Шопенгауэра. Мог он (с гимназических еще лет) читать и по-немецки, но не так свободно, как по-французски. По этому поводу можно вспомнить письмо к Александрову от 12 мая 1888 г., в котором он просит приобрести труды немецких социологов во французских переводах и поясняет: «*Немецкие же подлинники кушать надо*, но только в крайности. — Я много трудиться ненавижу; люблю работать, слегка порхая по цветочкам чужого ума; а с немецким языком не распорхаешься; тут поневоле

приходится быть „честным тружеником“, что совсем не в моей легкомысленной натуре и даже отчасти и не в *правилах* моих» (Александров. С. 40).

¹⁵ Имеется в виду письмо к Александрову от 15 января 1888 г., в котором говорилось: «Попросите Фета выслать мне (*посылкой* — это дешевле и вернее) „Энеиду“ его и в особенности *Шопенгауера* („Мир как воля и предствление“). — Мне это доставит большое удовольствие. — И даже очень нужно. — Пока я был цензором, он все свои переводы мне присылал; а как я подал в отставку, так и перестал. — Это „практичность“, и уж слишком откровенная, чтоб не сказать хуже» (Александров А. С. 25). В письме от 28 января Александров обещал в ближайшее воскресенье передать просьбу Фету.

¹⁶ Речь идет о цикле «Записки отшельника», начатом осенью 1887 г. с превращением «Гражданина» в ежедневную газету. В январе и феврале 1888 г. здесь напечатаны статьи «Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой» и «„Анна Каренина“ и „Война и мир“». На них, по-видимому, и хотел Леонтьев обратить внимание Фета.

¹⁷ Имеется в виду преп. Амвросий Оптинский.

¹⁸ Ср. отзыв о Фете в письме к Александрову от 5 февраля 1888 г.: «...Фет, которого атеизм никогда не жаждет пропаганды» (Александров. С. 34).

¹⁹ Одна из главных московских святынь, Иверская икона (точный список с чудотворной иконы, находящейся в Иверском монастыре на Афоне), привезенная 13 октября 1648 г. с Афона, находилась в специально для нее построенной часовне у Воскресенских ворот Кремля. По просьбам верующих каждый день ее возили по домам (заменяя на это время в часовне списком) для служения молебнов. Этот обычай и назывался «поднимать икону». В письме к Фету Леонтьев вспоминает случай, произошедший с Александровым, который в то время был домашним учителем Андрея Львовича Толстого. Об этом эпизоде Леонтьев услышал от своего ученика, публициста И. И. Кристи (но тот не сообщил, что речь идет именно об Александрове). В письме к Александрову от 15 января 1888 г. Леонтьев спрашивал: «Не Вы ли это *поднимали* Иверскую. — Кристи рассказывает, что он (Лев Ник<олаевич>) пришел к Влад<имиру> Серг<еевичу> Соловьеву и с негодованием и изумлением говорил: один студент, кандидат, — подымает Иверскую! — И начал говорить Соловьеву такую старую, детскую речь, что Соловьев хотел было ответить ему: „Да, и я в 14 лет так думал, как Вы теперь!“. Но — воздержался, чтобы не вышло ссоры. <...> / По-моему, Лев Ник<олаевич> с этой стороны *просто глуп стал*; он вовсе ведь и не *хорошо говорит*. — Такие вещи бывают; — напр<имер> Фридрих II-й не понимал, что в *Гёте* хорошего; Наполеон не верил в возможность *пароходства* и т. д.» (Александров. С. 29–30). Александров отвечал 28 января: «„Иверскую подымал“ я, — и я был по этому случаю предметом заочного и лично изумления и негодования Л. Н. Толстого. Я очень был удивлен, что слух об этом дошел даже до Вас, до Вашего „священного уединения“» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. № 75. Л. 22). В письме от 1 февраля у Леонтьева вырывается гневное восклицание: «...однако — я и не ожидал, что он такой *мерзавец*, что *юношу в глаза* за Иверскую укорял. — Какая преступная скотина, однако! Не ожидал!» (Александров. С. 31). В следующем письме (от 5 февраля) Леонтьев призывает своего молодого друга помолиться в Иверской часовне: «...сходите к той самой Иверской, за которую так глупо и так преступно даже (и пожалуй, что и *притворно*) негодует на Вас ваш ге-

ниальный домохозяин. — Не верьте, голубчик, ему, не поддавайтесь. — *Заметьте — это:* у него была всегда страсть *противоречить течению передовой мысли.* — Пока *господствовал* либерализм; он был почти реакционер во многом; теперь — когда все почти лучшие умы обращаются так или иначе к народным, историческим началам — ему не терпится, чтобы нейти <так! — *О. Ф.*> противу этого. — Я сам недавно это стал в нем угадывать. — Пока это не касается *святыни* — оно оригинально и даже полезно. — Но если только *хоть на минуту поверить и подумать, что за гробом вечность* — блаженства или вечность муки, то каков же будет суд Божий над людьми, играющими из духа противоречия чужой верой!» (Там же. С. 33–34). Леонтьев быстро отреагировал на эту историю, намекнув на нее в статье «Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой» (*Леонтьев*. Т. 8. Кн. 1. С. 308), а позднее — и в статье «Не кстати и кстати» (Там же. С. 634).

²⁰ Леонтьев не забывал о случае, когда он и Вл. Соловьев пришли к Толстому просить его участия в благотворительном вечере в помощь В. М. Эберману и Толстой холодно отказался. См., например, в «примечаниях» Леонтьева к статье Розанова «Эстетическое понимание истории» (июнь 1891 г.): «Вы к Льву Толстому *как проповеднику* слишком добры. — Он хуже *преступных* нигилистов. — Те — идут сами на виселицу; — а он — блажит, „катаясь как сыр в масле“. — Удивляюсь — почему его не сошлют в Соловки или еще куда. — Бог с ней, с „искренностью“, которая безжалостно и бесстыдно убивает „святыню“ у слабых! — Он *верит*, правда, слепо в одно: в *важность собственных чувств и стремлений*; — и нагло, меняя их как башмаки беспрестанно, — знать не хочет, каково будет их влияние! У него же самого — *истинной*-то любви к людям и тени нет. — У меня самого и у многих других были с ним сношения по делам самого *неотложного* благотворения, и я, и все другие вынесли из его наглых бесед по этому поводу самые печальные впечатления. — („Человек вторую неделю с семьей *корками* питается“, — говорю я ему. — „Наше назначение не кухмистерское какое-то“, — отвечает он (*при Вл. Соловьеве*); дело шло об *чтении* в пользу этой несчастной семьи. — Он отказался; — а мы с Сол<овьевым> и без него добыли около 200 р. с<еребром>»)» (*Розанов В. В.* Собр. соч. / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 2001. Т. 13. С. 359; уточнено по автографу: *РГАЛИ*. Ф. 419. Оп. 1. № 517. Л. 27–27 об.). Вечер был устроен зимой 1883/1884 г. у С. П. Хитрово. См. также в письме к Филиппову от 14 марта 1890 г.: «...он сам не делает *ровно никаких дел „любви“*: деньгами никому не помогает, о местах просят — не хлопочет, не рекомендует; жене, как слышно, позволяет тоже быть очень скупой и т. п. Не верен сам проповеди любви...» (*РГАЛИ*. Ф. 2980. Оп. 1. № 1025. Л. 265).

²¹ Такая беседа состоялась 28 февраля 1890 г. в Оптиной Пустыни. См. примеч. 10 к письму 11.

²² Речь идет о несостоявшейся публикации стихов Александрова в «Русском вестнике», редактором которого после смерти М. Н. Каткова в 1887 г. стал Федор Николаевич Берг. 21 ноября 1887 г. Александров писал Леонтьеву: «За напоминание о Берге очень Вам благодарен; попытаюсь как-нибудь написать ему; но боюсь, что по-прежнему не получу ни привета, ни ответа, разве Вы при случае или Фет замолвите за меня словечко» (*ГЛМ*. Ф. 196. Оп. 1. № 75. Л. 17 об.). Более подробен рассказ в письме от 2 января 1888 г. (о нем и вспоминает Леонтьев, обращаясь к Фету): «Как только выберу время, перепишу, согласно Вашему совету, свои сти-

хотворения в особую тетрадь и отправлю к Вам, хотя сильно сомневаюсь, чтобы они могли понравиться Ф. Бергу и встретить с его стороны поддержку. Дело в том, что незадолго до Вашего письма с вышеупомянутым советом я, желая — по крайней мере — получать бесплатно „Русский вестник“, послал Бергу четыре стихотворения, по моему мнению и по отзыву других, из довольно удавшихся. В ответном письме, на которое я приложил почтовую марку, Берг отказывается напечатать мои стихотворения, не находя в них „ничего [особенного] выдающегося“ и утешает тем, что „жизнь и деятельность моя — [вся] впереди“ и что „последующие произведения мои могут оказаться прекрасными“ (так, кажется, он выражался). Дурно ли я выбрал, был ли Берг не в духе, имеет ли предубеждение против начинающих поэтов с неизвестными именами, лишен ли он эстетического вкуса и поэтического чутья (что тоже возможно), или же наконец я вместе с Вами, Фетом, Астафьевым, Кристи и др.<ругими> заблуждался, поверив, что во мне есть некоторое поэтическое дарование, — решительно не понимаю, но Берг буквально *озадачивает* меня, высказав сомнение даже в том, что такие „лица“, как Вы и Фет, могли хвалить мои стихи. Посоветуйте, как мне поступить и удобно ли будет после этого набиваться Ф. Бергу, хотя „Русский вестник“, в котором я начинал, и дорог мне, и мне было бы жаль с ним разорвать“ (Там же. Л. 19 об.).

7

11 июля 1889 г. Оптина Пустынь

11 июля 1889 г. Оптина Пустынь.

Вместо того чтобы начать это письмо благодарностью за *Ваше последнее*,¹ Афанасий Афанасьевич, — я начну его с извинения; ... виноват — но не знаю перед кем больше — перед Вами или перед самим собою.

Мое письмо к Вам по случаю юбилея — давным-давно напечатано в «Гражданин»,² и №№, назначенные для Вас, все еще лежат у меня и не отосланы к Вам. — Желание сделать *лучше* — испортило все дело. — С самого начала все собирался взять в монастырской лавочке книжку чистую; велеть — наклеить на нее вырезки и в таком более удобном и опрятном виде — послать Вам статью.

Почему же я ОТ МАРТА (*horribile dictu!*^a) до половины ИЮЛЯ — не исполнил этого³ — *не понимаю!* — Вообще — я хоть и^b медлен, но исполнительен. — Можно опоздать; — но это — ни <на> что не похоже! И менее всего на меня; потому что я вообще стараюсь с *этой стороны*

^a страшно сказать! (*лат.*).

^b *Далее зачеркнуто*: не

быть как можно менее — «русским».⁴ — Не пороки несносные наши я люблю;^б я желаю *форм* изящных^г жизни русской и высоких *идей* в основе этих проявлений. — А лень, равнодушие и еще более беспечность нашу — я терпеть не мог и смолоду!

Но — простите — «и на старуху бывает проруха!» Думаю — впрочем, что я себе больше этим повредил, чем Вам; — ибо *мне* очень хочется, — чтобы Вы в печати перечли бы сызнова все эти фантазии мои и сберегли бы книжку на память о человеке, который так *давно* упивался вашими стихами. — Ну — на следующей неделе отправлю непременно и даже с приложением моей фотографии,⁵ которая очень удалась и, вероятно, будет последняя; ибо я нахожу преступлением противу «изящного», — когда люди уже дряхлеющие позволяют себе сниматься слишком поздно со всеми гадкими и мелкими морщинками; которые, замечу кстати, почему-то у дворян и высшей «интеллигенции» вообще несравненно противнее, чем у старых крестьян, солдат и простых монахов. — Я видел недавно фотографии *очень старых*: Дарвина и Пирогова... Это отвратительно; особенно — в европейском нынешнем костюме с открытой головой; чисто — орангутанги!

Винovat также и в том, что не послал Вам своевременно — «Национальную политику».⁶ — Думал, что Вы ко внешней политике нашей — равнодушны. — Вместе с статьей и портретом пришло и один *исправленный* экз<емпляр>, ибо там есть 5–6 скверных опечаток.⁷

Разумеется — я очень рад, что Государю поднесли брошюрку.⁸ — Но я ею в *отдельности* не совсем доволен: — она только отрицательна. — Вот — если бы удалось осенью издать и продолжение ее (тоже было в «Гражд<анине>») — «*Плоды национальных движений на Правосл<авном> Востоке*»⁹ — то дело стало бы еще яснее. — А если бы еще Бог судил бы мне напечатать и практические заключения вроде: «Что же делать? — Как нам быть?»¹⁰ — то я был бы спокойнее.

Однако — сильно сомневаюсь в том, что сделаю все это. — Ваше жестокое сравнение собственной души вашей с «аккуратно выпитым вороной яйцом» как нельзя более подходит и ко мне.

Скучно; — не жить, не *существовать* скучно; — нет, я *чрезвычайно* даже доволен — *личными* обстоятельствами моей старости; — *писать* — становится — скучно для десятка единомышленников и приятелей!¹¹ — Перечтите еще раз *мою I-ю главу* — *Г-ну Фуделю*¹² — и Вам станет^а ясно — мое чувство утомления в 58 лет!..

^б Далее зачеркнуто: а

^г Вписано над зачеркнутым: хороших

^а Далее зачеркнуто: всё

Я даже думаю, что именно Вы — скорее всякого другого *сердцем* поймете, что я чувствую. — Ну-с, прощайте! Спасибо большое за память, за сочувствие, за искренние похвалы и ободрение. — И Марию Петр<овну> благодарю за память и мысленно целую ее руку, столь гостеприимную в Москве.

Приехал бы я к Вам в деревню, вдруг, и без приглашения; да — право — *сил* нет. — Здоровье вообще-то гораздо лучше московского; — но именно — *сил* — нет. — Едва хожу и ото всего утомляюсь до изнеможения.

Остаюсь всей душой преданный

К. Леонтьев.

P. S. Добрый Александров гостит здесь,¹³ и мы нередко поминаем вас добром.

На конверте: Моск<овско>-Курская жел<езная> дорога; ст<анция>

Коренная Пустынь.

Его высочородию

Афанасию Афанасьевичу

Шеншину.

В собственное имение.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ. № 20284. Л. 14–15 об.

¹ Ответ на письмо Фета с отзывом о статье Леонтьева «Национальная политика как орудие всемирной революции» (см. во вступит. статье).

² О напечатанной в «Гражданине» статье Леонтьева «Не кстати и кстати (Письмо А. А. Фету по поводу его юбилея)» см. во вступит. статье. Статья была опубликована в № 80, 81, 83 за 1889 г.

³ Экземпляры «Гражданина» со своей статьей Леонтьев получил 16 апреля 1889 г. В пасхальной открытке 17 апреля он просил Александра узнать «деревенский адрес» Фета (Александров. С. 65). Александров сообщил этот адрес только 2 мая.

⁴ Ср. в письме к Т. И. Филипову от 27 ноября 1887 г.: «Вы <...> все помните. (Не была ли Ваша матушка *немка*? У Вас уж слишком все твердо, ясно и основательно для чистого великоросса. Вы не поверите, до чего мне надоели эти „русские“ характеры — это ужасно!) Россию, я думаю, еще спасает то, что у царской фамилии много немецкой, а в дворянстве татарской крови» (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. № 1025. Л. 28).

⁵ Подаренная Фету фотография работы В. Ф. Мейсснера с дарственной надписью сохранилась (РГАЛИ. Ф. 515. Оп. 2. № 3). 7 июня 1889 г. Леонтьев писал об этом своем портрете К. А. Губастову: «С меня здесь снял один любитель очень

хороший фотографический портрет. <...> Это уж *последний* мой портрет. — А то очень старые — *страшны*» (Там же. Ф. 290. Оп. 1. № 28. Л. 193).

⁶ Имеется в виду брошюра «Национальная политика как орудие всемирной революции», вышедшая в феврале 1889 г. (издана на деньги семьи Кристи).

⁷ Подобный экземпляр, подаренный кн. Б. П. Туркестанову (будущему митрополиту Трифону), сохранился в собрании редких книг РГБ. См.: Леонтьев. Т. 8. Кн. 2. С. 1123.

⁸ С брошюрой должен был познакомиться императора во время путешествия по шхерам И. П. Новосильцов через греческую королеву Ольгу Константиновну. См. во вступит. статье.

⁹ Впервые: Гражданин. 1888. № 306, 311, 315, 327, 331, 334, 338, 342, 349, 353, 354, 363; 1889. № 7, 13, 41, 45. В виде брошюры издано не было.

¹⁰ Леонтьев отклонил первоначальное предложение Кристи издать в одной брошюре обе статьи о национальной политике. В письме к Губастову от 22 декабря 1888 г. он объяснял свое решение так: «...как издавать особо? — Тут все *почти одно отрицание*; а до *положительного* своего я не успел дойти. — Думаю лучше — еще прежде 3-ю <статью> написать „*Чего же нам желать? На что надеяться?*“ Тогда будет понятнее. — Посмотрим» (цит. по: Леонтьев. Т. 8. Кн. 1. С. 1131). Ср. в письме к Филиппову от 10 октября 1888 г.: «...сверх того надо еще написать 6–7 писем заключения: „*как же нам быть и на что нам надеяться?*“» (цит. по: Там же. С. 1158).

¹¹ Подобными сетованиями наполнены письма Леонтьева этого времени к К. А. Губастову, Т. И. Филиппову, о. И. Фуделю, С. Ф. Шарарову и другим корреспондентам.

¹² В первом «письме» статьи «Национальная политика как орудие всемирной революции» говорится: «В мои года писать прямо и преднамеренно для печати, какая, скажите, может быть особая охота, если не видеть сильного сочувствия, если не ощущать ежедневно своего влияния.

Когда *есть охота*; когда *пишется* — прекрасно. А *не пишется* и даже не думается о том-то и том-то... И это хорошо! Может быть, даже это и лучше.

Не говорите мне о „долге“ или о „пользе“ общей! Для этого опытному человеку нужна та *иллюзия*, которую может дать только большой, невольно возбуждающий нас успех... <...> строгой религиозной *обязанности* писать политические статьи, даже и крайне консервативного духа, не существует... <...> Зачем же мне принуждать себя к писанию? Зачем твердить все то же? <...> если Богу угодно, обойдутся отлично и без нас» (Леонтьев. Т. 8. Кн. 1. С. 498–499). Для статьи Леонтьевым избрана форма писем (подзаголовки «Письма О. И. Фудель»). Их адресат — Осип (Иосиф) Иванович Фудель (1864/1865–1918); с 1889 г. — священник в Белостоке. Эпистолярное знакомство с ним завязалось в апреле 1888 г. через еще одного ученика Леонтьева, Н. А. Уманова, который учился с Фуделем на юридическом факультете (в 1888 г. заканчивался их университетский курс). В августе 1888 г. состоялось и личное знакомство, и практически сразу Фудель стал ближайшим из младших друзей Леонтьева, его духовным наследником, а впоследствии — издателем его собрания сочинений.

¹³ Александров приехал в Оптину пустынь с женой в июне 1889 г. и гостил там до 10-х чисел августа.

8

14 августа 1889 г. Оптина Пустынь

14 августа 89. Отт<ина> П<устынь>.

Дорогой и многоуважаемый Афан<асий> Афанасьев<ич>!.. Боже мой! Сколько времени (с мая!) я собирался Вам послать в дар и на память книжечку с наклейками из моей юбилейной статьи «*Не кстати и кстати*» — и едва собрался теперь! — Вместе с нею посылаю: 1) *Портрет мой*, довольно, кажется — удачный¹ и 2) *Акростих Александрова*, составленный по моей просьбе к такому же моему портрету, подаренному одной весьма красивой и доброй молодой здешней даме княгине Вяземской.² — Не знаю, понравится ли он Вам, судия строгий, но праведный? — Мне *очень* нравится.

Другой экземпляр такой же книжки «Кстати и некстати» — посылаю Вам вот с какой целью и даже *замыслом*. — Вы, если не ошибаюсь, состоите в переписке с Велик<им> Княз<ем> Констант<ином> Константиновичем.³ — Не можете ли Вы *от себя*^а повергнуть этот другой экз<емпляр> на его высочайшее благоусмотрение?

Замысел у меня вот какой. — Велик<ий> Кн<язь> К<онстантин> К<онстантинови>ч, слышно, Государю близок; Государь,^б судя по Вашему письму, — теперь, должно быть, только что прочел мою «Национальную политику».⁴ — Кто знает? «Попытка не пытка». Покажет и эту книжку К<онстантин> К<онстантинови>ч Государю. — Государь сам, видимо, расположен ко всему западному и к самым лучшим сторонам славянофильства...

Кто знает?.. Когда какое-либо дело или какой-либо вкус назрели в душе могущественного человека — достаточно и еще одного легкого толчка для осуществления замысла или для воплощения вкусов в жизнь. — Не выйдет — ничего; нет еще ни для кого — большой потери; — выйдет — будем вместе праздновать победу — уже *не-отраженной*, а *реально-жизнейской* эстетики.⁵

Я не раз уже был «непризнанным» пророком; — кто знает! — Таков мой припев.

И еще одна покорнейшая просьба — не будете ли Вы, Афан<асий> Афан<асьев>ч, так добры сообщить мне *правила* и *сроки* для пред-

^а от себя — *подчеркнуто* два раза.

^б *Далее начато и зачеркнуто: каж<ется>*

40
17

14 августа; вг. Ом. П.

Дорогой и милосердный мой дядя Александр!
 Боже мой! сколько времени (в мае!) я
 собиралась Вамъ написать въ духу "ма" напечатать
 книжечку въ карманчикъ и въ моей юбилейной
 отплате "Кекетанъ и Кетанъ" - и едва сдержав
 языкъ! - Вотъ такъ въ него пошла: 1) Пор-
третъ мой, довольно, кажется удачный и 2) Акс-
атья Александровъ, софистичный по моему
 поводу къ (кому-то) моему портрету, пода-
 рилку одной весьма красивой и доброй индуски
 (Ваша Клеопатра Вадеевской... Кетанъ погубилъ)
 отъ Вася, судья Фрейли, но справедливый? - Мне
 очень нравится.

Другой экземпляръ такой-же книжечки
 "Кетанъ и Кекетанъ" - посылаетъ Вамъ братъ
 въ какой утѣхи и даже замечательной. - Въ, если
 не ошибаюсь соображенъ въ переплетъ въ Берк.
 Клеф. Кохланд. Кохландовъ. - Не можете
 ли Вы отъ себя повернуть Дмитръ Фрун-
 зю, на его высочайшемъ благоуваженіи?
 Забыла у меня братъ хатка. - Векъ К. К. П. К.

Письмо К. Н. Леонтьева к Фету от 14 августа 1889 г.

Первая страница

ставления на премию в Академию^в наук — художествен<ных> произведений. — Вы ведь должны знать, так как получили сами премию за «Оды Горация».⁶

Я хочу представить моего «Одиссея Полихрониадеса».⁷ — В конце зимы я посылая его в Константинополь — Михаилу Константиновичу *Ону*,⁸ советнику Посольства нашего, давнему другу моему и отличному знатоку восточно-православной жизни; послал с просьбой проверить роман самым строжайшим образом — с этнографической, политической и т. д. точек зрения. — Он кой-что исправил, но ответил мне, чтобы я и с этой стороны был покоен, ибо он в моих греческих повестях находит гораздо меньше ошибок и больше знания^г местной жизни, чем в большинстве ученых сочинений о Турции и Греции. — Он читал роман и прежде, но «теперь (говорит) — он мне еще больше понравился, и я^а непременно постараюсь, чтобы он был переведен по-турецки и по-гречески».⁹

Его отзывы очень много значат, ибо он не только сам полувосточный человек (греко-валах обрусевший), но и ценитель тонкий вообще. — И вот я думаю издать «Одиссея» и представить на премию.

При Конст<антине> К<онстантинови>че, вероятно, Академия станет менее немецкой, чем была доселе, по крайней мере по слухам. — А сам я ее духа и членов — не знаю вовсе.

Прошу Вас передать Марье Петровне мое почтение и поклон и в ожидании Вашего ответа остаюсь всем сердцем

преданный Вам К. Леонтьев.

Р. S. Книжки мои бедные переплетены здесь скромными монашескими средствами. Красивее — сделать невозможно!

Не взывайте; — «чем богаты, тем и рады».

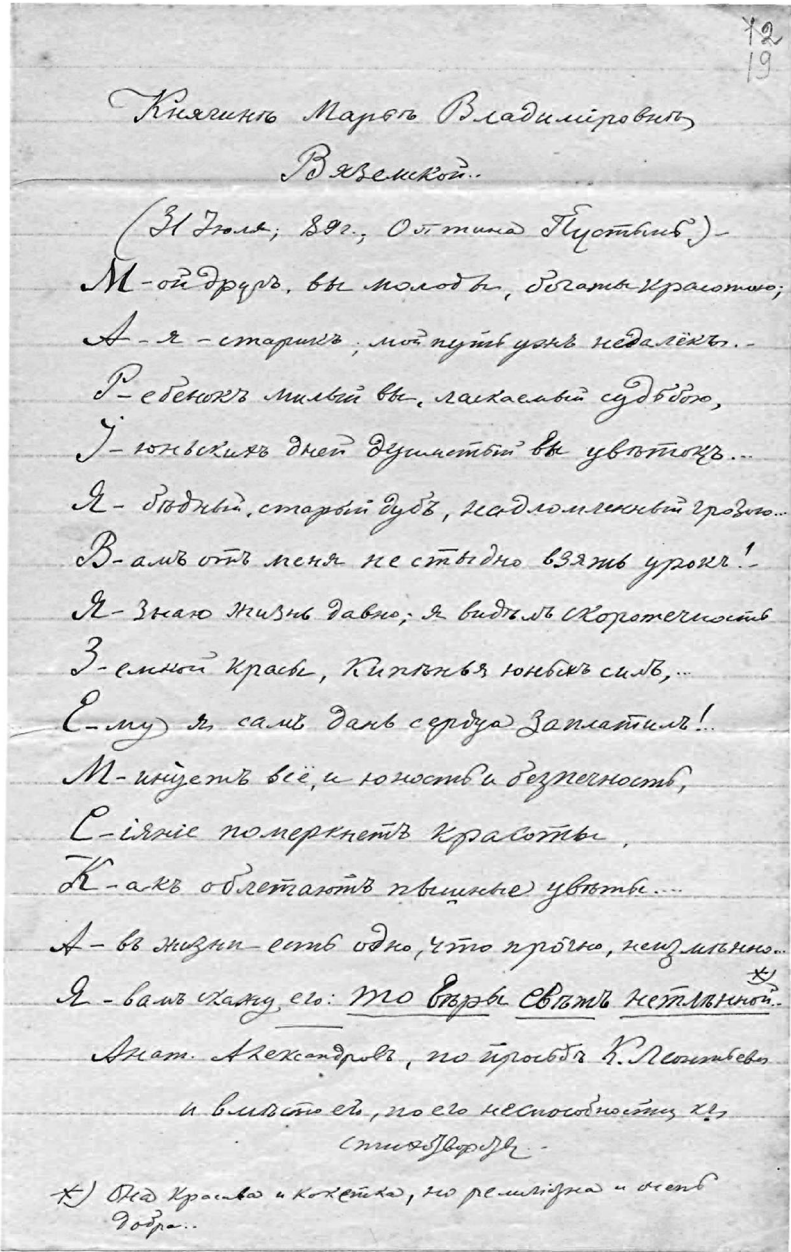
Княгине Марье Владимировне
Вяземской
(31 июля 89 г.; Оптина Пустынь)

Мой друг, вы молоды, богаты красотой;
А я — старик; мой путь уж недалек. —
Ребенок милый вы, ласкаемый судьбою,
Июньских дней душистый вы цветок...

^в Далее зачеркнуто: Художеств

^г Было: меньше ошибок в знании

^а Далее зачеркнуто: со

Акrostих А. А. Александрова «Княгине Марье Владимировне Вяземской»
Рукой К. Н. Леонтьева

Я бедный, старый дуб, надломленный грозою...
Вам от меня не стыдно взять урок! —
Я знаю жизнь давно; я видел скоротечность
Земной красоты, кипенья юных сил...
Ему я сам дань сердца заплатил!..
Минует все, и юность и беспечность,
Сияние померкнет красоты,
Как облетают пышные цветы...
А в жизни есть одно, что прочно, неизменно...
Я вам скажу его: *то веры свет нетленной*.*

Анат<олий> Александров, по просьбе К. Леонтьева
и вместо его, по его неспособности к стихотворству.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20284. Л. 17–19.

¹ См. примеч. 5 к письму 7.

² Княгиня *Мария Владимировна Вяземская* (урожд. Блохина) — жена Козельского уездного предводителя дворянства кн. А. А. Вяземского. Супруги часто бывали в Оптиной Пустыни, где и познакомились с Леонтьевым. Впервые посвященный ей акrostих был опубликован в сборнике «Памяти Константина Николаевича Леонтьева» (СПб., 1911. С. 161–162). В ответном письме Фет, по-видимому, благожелательно отозвался об этом стихотворении. 28 августа 1889 г. Леонтьев переслал это фетовское письмо Александрову: «Я *Фету* с книжками своими <...> послал и ваши стихи Вяземской. — Полагаю, что его суд доставит Вам удовольствие. / Письмо *непрерывно* возвратите. — Я его письмами очень дорожу» (*Александров*. С. 67).

³ Фет переписывался с великим князем Константином Константиновичем с 1886 г. См.: *К. Р. Переписка*. С. 239–392.

⁴ Брошюра Александру III передана не была, потому что показалась «скучной» королеве Ольге (см.: *Леонтьев*. Т. 8. Кн. 2. С. 1143), но Леонтьев еще некоторое время пребывал в радужных надеждах и 17 августа сообщал в Вену К. А. Губастову: «Прежде вашего письма я получил от Фета-Шеншина известие, что Государь во время путешествия на „шхеры“ взял по чьей-то рекомендации мою „*Национально-альную политику*“, чтобы прочесть ее на досуге, со вниманием. Сам Фет от этой брошюры в восторге» (*РГАЛИ*. Ф. 290. Оп. 1. № 28. Л. 203 об.).

⁵ «Эстетика жизни» («та реальная поэзия жизни, та восхитительная действительность, которую стоит выражать хорошими стихами»; *Леонтьев*. Т. 6. Кн. 2. С. 632) противопоставляется у Леонтьева вторичной «эстетике отражений» (иногда

* Она красива и кокетка, но религиозна и очень добра. — *Примеч. К. Н. Леонтьева*.

даже с добавлением: «отражения или кладбища»; Там же. Т. 8. Кн. 1. С. 232). См. об этом: *Бочаров С. Г.* Литературная теория Константина Леонтьева // *Бочаров С. Г.* Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 286–288.

⁶ «Оды» Квинта Горация Флакка в переводе Фета были изданы в Петербурге в 1856 г. Пушкинскую премию поэт получил в 1884 г. за вышедший годом ранее полный перевод Горация: *Квинт Гораций Флакк*. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1883 (см.: *Фет. ССП*. Т. 2. С. 551–555). 18 сентября 1888 г. Леонтьев просил Н. Н. Страхова «разъяснить» ему вопрос: «Существует ли какая-нибудь „Пушкинская“ (или все равно другая) Премия за прозаические художественные сочинения, подобно той, которую присудили прошлого года Фету за его перевод од Горация? — И если существует, то какая и где и какие правила. — Мне Фет говорил, что как будто существует, но советовал для более точных сведений обратиться к Вам. / Если возможно, я бы желал представить к премии или одного „Одиссея Полихрониадеса“ или (смотря по требованиям устава) все мои новогреческие повести. Из примера фетовского Горация видно, что не требуется *нового* сочинения?». Страхов отвечал на это 27 сентября: «Премии даются только за стихотворные произведения и лишь за те, которые не старше *трех* лет. Фету дали за „Вечерние огни“, а Горация притянули в отчете для балласту, в хорошем смысле этого слова» (см.: *Леонтьев*. Т. 4. С. 966).

⁷ Незавершенный роман Леонтьева (см.: *Леонтьев*. Т. 4). 7 июня 1889 г. Леонтьев писал К. А. Губастову о своих намерениях убедить министра народного просвещения И. Д. Делянова способствовать полному изданию романа «в какой-нибудь казенной типографии, если нельзя даром, то с самой долгой рассрочкой». «Да сверх того, — продолжал он, — нельзя ли представить его (т. е. „Одиссея“) на Пушкинскую премию в Академию наук, где теперь председательствует В<еликий> К<нязь> Конст<антин> Конст<антинович>, близкий Фету, а Фет со мной в хороших отношениях» (*Леонтьев*. Т. 4. С. 966). Далее в этом же письме: «Страхов говорил мне года 2 тому назад, что и в Акад<емии> наук влияние сильных мира сего — бывает посильнее *правды*. — (Не могу при этом и при многом другом не вспомнить с сожалением и досадой о бреднях Достоевского... „Всеобщая любовь, гармония!..“ Не правда ли забавно и грустно!) Тогда, т. е. если дадут премию хоть в 1000 рубл<ей> с<еребром>, можно будет избавиться от более значительной части банковского долга (ни на что другое мне эти деньги и не нужны; ибо пенсии *здесь* вполне достаточно на прожиток) и быть несравненно более свободным чем теперь» (*РГАЛИ*. Ф. 290. Оп. 1. № 28. Л. 190).

⁸ *Ону Михаил Константинович* (1835–1901) — дипломат, первый драгоман русского посольства в Константинополе, позднее советник того же посольства, с 1889 г. чрезвычайный посланник и полномочный министр в Греции (см. о нем: *Леонтьев*. Т. 4. С. 1029–1030). С просьбой к нему уточнить некоторые реалии, цитаты, оттенки переводов с турецкого и греческого языков в романе «Одиссей Полихрониадес» Леонтьев обратился еще осенью 1888 г.

⁹ Ср.: *Леонтьев*. Т. 4. С. 965 (письмо к М. К. Ону от 26 апреля 1889 г.).

9

1 сентября 1889 г. Оптина Пустынь

1 сентября 1889 г. Опт<ина> П<устынь>.

Многоуважаемый и добрейший
Афанасий Афанасьевич,

Очень рад, что книжки мои и портрет мой понравились и доставили удовольствие и Марье Петровне, и Вам. — Я не только ничего не имею против того, чтобы Новосильцов представил (от себя, конечно) мою книжку о вашем юбилее Государю; — но напротив того, буду ему *чрезвычайно признателен*.

(*) Для меня дело не в *пути*, а в некоторой, непростительной в мои года мечте о *впечатлении на того*, от кого *внешние формы быта нашего* зависят уж конечно, *вполне!* Гораздо более, напр<имер>, — чем сама внешняя политика. — Ибо, что же сделаешь, как сохранишь мир, — когда хоть бы Австрия, например, сама как растерявшийся человек рвется — к своей гибели! — А насчет изменения костюма дело очень легко. — *Течение* к этому — несомненно,^а в обществе есть теперь. — Оно не громко, не сильно; это ничего. — Данилевский прав, говоря, что у нас, в России все делалось так:

Приготовительное движение умов есть; бурной борьбы партий нет; но когда эта подготовительная мысль достаточно назрела (даже *вовсе и не широко* распространившись), правительство берет дело в свои руки и оно идет успешно.¹ — (*После* этого уже расширяясь и углубляясь.) — И правда — так было с христианством; — горсть людей высокопоставленных пожелала креститься, остальным *приказали*; — и они *стали* православными. — Подготовка была чуть видная, последствия — исполнские. — Не то ли и с европейской реформой Петра? Правда — говорят, что были и при Алексее Мих<айловиче> люди высшего круга, которые желали несколько объевропеить Россию; я читал даже, что иные стригли бороды и носили только усы, одевались в польские кунтуши² и т. п. Но сильно ли это было? Конечно — очень слабо. — Но правительство при Петре — и этим слабым движением воспользовалось с таким успехом, что и теперь из нас западного человека, кажется, и палками вполне не выбьешь. — *Вполне* и не нужно. — «Faut d'la vertu, pas

^а *Перед этим зачеркнуто: к*

trop n'en faut»^б — читал я такую французскую песенку когда-то — и перефразирую ее так: «Faut d'I'Europe; pas trop n'en faut!».^в — И относительно костюма тоже: стоит только Государю через все министерства (кроме военного и морского) объявить всем штатским *служащим*, что отныне^г им дается право (*только* право, без принуждения) ходить и *на службу*, и вне службы — *по выбору* в европейской или в русской одежде (*даже и рубашку навывпуск*); так, готов пари держать, что $\frac{3}{4}$ оденутся по-русски; особенно москвичи и провинциалы. — Для петерб<уржцев>, может быть, — нужнее пример Двора. — Ну а Двор — уж совершенно в руках Государя. — *Мундиры* чиновникам, разумеется, также надо изменить на более русский и более восточный, более *цветной* и красивый, менее *облизанный* стиль (сообразно с окладами и т. п. практическими^а сторонами жизни). И тут также облегчить расходы тем, что разрешить кому угодно *донашивать прежние мундиры* немецкого (или вернее общеевропейского стиля) — напр<имер>, на *пять* лет. — Тогда остальное все делается само собою; небогатые чиновники до смерти будут рады, что их избавят от *крахмальных* рубашек и открытых манишек; — русская одежда с рубашкой навывпуск,^с сшитая хорошо и из порядочной материи — у людей небогатых выходит *несравненно* чище и презентабельнее, чем дешевые пиджаки с *открытыми спереди* и в сущности в *высшей степени неблагопристойными* панталонами. — Эти панталоны с пуговицами на животе — это не что иное, как демократизированное и *опошленное* наследство XVIII века, который славится в истории своим *цинизмом*... * Надо только — вдуматься *сызнова* в то, к чему мы все *машинально* привыкли, и *не бояться мыслей* новых и поразительных в самой простоте своей. — *Символ!*

Чиновники, говорю, станут и на службу, и в гости *ходить* «по-русски»; (по-восточному, что ли, вообще); — и многие помещики и разночинцы — последуют с *охотой* их примеру.

Кто франтить не любит или не имеет к тому средств, тот будет одеваться по-русски, скромно, солидно, дешево и будет через это приличнее. — А кто, напротив того, богат или любит щеголять — тому уж, ко-

* Цинизм XVIII <века> — был хоть барский и красивый; — цинизм современный — хамский и некрасивый. — *Примеч. К. Н. Леонтьева.*

^б «Без добродетели никак, но не переборщи» (*франц.*; пер. Г. Б. Кремнева).

^в «Без Европы никак, но не переборщи!» (*франц.*).

^г *Далее зачеркнуто:* они

^а *Далее зачеркнуто:* соображениями

^с *Далее зачеркнуто:* чистая

нечно, будет больше возможности проявить и вкус, и роскошь в одежде *не* западного стиля.

И в России,* и в Турции — я пришел к тому эстетическому, очень важному и <так!> заключению, что *все* возможные, неевропейские одежды — и на богатом и на нищем — *одинаково* лучше и благороднее европейских.

Восточная одежда богатая — конечно — *не то*, что фрак и даже не то, что наш общегенеральский мундир. — А насчет нищих и оборванных людей, то всякий, кто не слеп, понимает, что нищий в турецких шальварах и нищий в лаптях и зипуне производит вовсе не то *ужасное* впечатление, какое производит нищий в сальном и оборванном пиджаке. — Здесь, в Оптиной, я каждый <день> вижу образцы и того и другого рода. — Разница поразительная!

Вот и об «искусстве», о живописи мы тоже печемся, хотим, чтобы живопись процветала; а забываем то, что европейские формы внешнего быта сделали хорошие картины из жизни современного образованного общества — почти *невозможными!*³ Художники при всей необразованности своей инстинктом чувствуют, что недостаточно одной психичности («души») в выражении лиц и в движении вообще;³ — нужна эта *«душа»*, нужна *«идея»* и *в одежде*. — Недавно я из окна смотрел здесь на крестный ход⁴ — и опять то же! Вообразил себе *картину* на полотне, вместо этой живой — и что же? Только служащее духовенство в цветных облачениях; монахов не служащих в широкой драпировке черных ряс, да еще деревенских разноцветных девок — и можно бы было изобразить. — Несколько дворян и большую часть козельских мещан, — которые тоже шли, необходимо бы было согнать с полотна, чтобы самая превосходная кисть не была бы омерзена пошлой действительностью...

Это все в руках Государя!

Надо покровительствовать прекрасному в искусстве; но еще лучше покровительствовать изящному и красивому в жизни, когда оно — безвредно. — Искусство само уже отзовется на впечатления жизни. — *Жизнь важнее*; — ибо, раз в ней есть поэзия, — *отражения* сами собою рано или поздно появятся.

Правда — против внезапной перемены мод есть одно, по-видимому, как будто и важное^н соображение — политического рода. — Вот оно: —

*Далее зачеркнута вставка: живя

³ Было: что одной психичности («души») в выражении лиц и в движении вообще мало

^н по-видимому ~ важное *вписано над зачеркнутым*: очень важное

И без того в настоящее время почти вся Европа, за исключением Франции и некоторых мелких государств, против нас. — Такие умные люди, как Бисмарк, — могут, пожалуй, и этим воспользоваться; — могут воскликнуть: «Видите — *что такое Россия!* Она во всем, даже и по внешности — хочет от „цивилизованного“ мира отделиться...». И глупые люди, которых везде довольно, испугаются и забудут историю, по свидетельству которой — *нации, сходные по внешнему быту* (да и по внутреннему строю и духу), воевали между собою еще страстнее и чаще, чем с народами культуры *особой и несхожей*.

Заметим кстати и то, что *Россия именно тогда-то* и начала вмешиваться прямее в европейские дела и даже побеждать европейцев и отнимать у них земли — *когда при Петре I-м приняла более европейский вид?*

Высказанное возражение,^к которое я сам себе сделал, т. е. чтобы не напугать Европу, неважно; — и так и *этак* — *нам не избежать* войны за Восточный вопрос и за преобладание над славянами...

От великого векового призвания не откажется *такой* Царь, как Александр III. — Царьград *надо*^л взять и сделать русским наместничеством;^з — *это неизбежно* даже. — И потому изменением мод прибавить еще две-три капли в чашу всеобщих боевых приготовлений, — до краев уже полную, — не беда! — Пусть пугаются! — *Тем лучше*. — Почуют и *в этом даже* нашу *духовную* силу; нашу *умственную* зрелость и отвагу. — Это их, врагов наших, смутит; — а русских, напротив того, *одушевит донельзя* ко дню^м грозного расчета!

Славянство, — олицетворяемое Россией и только Россией (ибо все остальные славяне суть — лишь *неизбежное зло*^б), — на всех путях должно скоро выступить передовой отныне нацией человечества (надолго, века на два по крайней мере). — Близится *новая* эра в истории... А все *новые эры*, вспомните, сопровождались неизменно и *новыми* внешними формами быта.

Это есть великий *признак внутреннего* перелома; неизменный пластический *символ* сердечных идеалов.

Вот — что бы я еще хотел сказать (если бы имел доступ и силу) *Тому* — *от движения души и ума* которого *зависит теперь все наше будущее!*..

Умолкну!.. (*)

^к Далее зачеркнуто: о том

^л надо — подчеркнуто два раза.

^м Далее зачеркнуто: великого и

¹ Ср.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. СПб., 1995. С. 159–163 (гл. VIII. Различия в психическом строе).

² *Кунтуш* — польская верхняя мужская одежда со шнурами и откидными рукавами.

³ Леонтьев здесь солидарен с Н. Я. Данилевским. Ср.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа. С. 226–229 (гл. XI. Европейничанье — болезнь русской жизни).

⁴ Вероятно, подразумевается крестный ход в праздник Успения Пресвятой Богородицы (15 августа).

⁵ См. об этом в «Письмах о Восточных делах»: Леонтьев. Т. 8. Кн. 1. С. 112–113. Ср. в статье «Кто правее?»: «Окончание *Восточного* вопроса значит: 1) Присоединение Царьграда к России с подходящим округом в Малой Азии и во Фракии» (Там же. Кн. 2. С. 131).

⁶ Ср. в «Дополнении к двум статьям о панславизме» (1884): Леонтьев. Т. 7. Кн. 1. С. 269. Подробнее см.: Косик В. И. Константин Леонтьев: размышление на славянскую тему. М., 1997; Фетисенко О. Л. Константин Леонтьев: «турецкий игумен» в славянском монастыре // Христианство и русская литература. СПб., 2010. Сб. 6: Взаимодействие этнокультурных и религиозно-этических традиций в русской мысли и литературе. С. 165–196.

⁷ Речь идет о стихотворении «На бракосочетание Их Императорских Высочеств В. К. Павла Александровича и В. К. Александры Георгиевны» (ВО 4. С. 24–25), датированном «9 мая 1889».

⁸ Об И. П. Новосильцове см. во вступит. статье.

⁹ Секретарем Фета была Е. В. Федорова.

10

17 ноября 1889 г. Оптина Пустынь

17 ноября 89 г. Опт<ина> Пуст<ынь>.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

От 2-го окт<ября> (дня — которым помечено Ваше последнее письмо из Москвы) до 17 ноября прошло полтора месяца и я (простите!) только теперь собрался благодарить Вас за прекрасную Вашу фотографию и доброе письмо. — Без вины виноват в этой вовсе не свойственной мне невежливости. — В начале октября нашло на меня какое-то беспричинное уныние, от которого я именно потому долго избавиться и не мог, что не было никакой внешней причины; иначе, — вы латинист — лучше меня это знаете: — «*Sublata causa — tollitur effectus*»^a

^a «С устранением причины устраняется следствие» (лат.).

(латынь эта, положим — докторская, а не античная, но все-таки справедливая). — А потом — был очень занят новым большим трудом, который начал.¹ — Теперь дал себе роздых и пользуюсь им, чтобы благодарить Вас.⁶ Удивляюсь, почему Вы находите, что ваша фотография хуже моей? — Я, напротив того, нахожу, что она лучше и по работе и по сходству.

Марью Петровну всем сердцем благодарю за память и за приглашение не забывать Плюшихи, если буду в Москве. — Не знаю... едва ли это сбудется; — я было летом собрался — только в Калугу (10 верст в карете) и то раздумал. — Всякое движение мне становится очень тяжело; а зимой (с октября и до мая) я совсем даже отказался от открытого воздуха. — Мне так легче.

Хотя вам и понравилось то спокойствие, с которым я отнесся и к судьбе моей юбилейной брошюрки, и к судьбе *того отрывка о костюмах*, который я *отделил знаками* в моем к Вам письме; — но спокойствие занимает ведь *середину* (которую Вы во всем, не всегда по-моему основательно, любите), середину между презрительным равнодушием и пламенным желанием достичь того-то и того-то... И поэтому — относиться спокойно, *но не пренебрежительно* к дальнейшим приключениям как брошюрки, посланной Новосильцову, так и *отрывка*, известного Вам, — осмеливаюсь побеспокоить Вас просьбой известить меня — *по-западному* ли пошло все это дело^в или *по-русски*... То есть — брошено Новосильцовым на полдороге... или нет. — Это не сам *кафтан*; — тут я русский; это вопрос о том, *прочны ли шьются* — кафтаны ли, фракки ли — все равно. — Когда касается до того, чтобы сделать какое бы то ни было дело *хорошо и аккуратно*, то, в этом я с Вами совершенно согласен, еще и теперь надо учиться в Европе... *Делать* надо вообще *свое*, но *как* — этому еще русским надо учиться...

В заключение прибавлю, что, если Новосильцов и ничего путного не сделал, плакать не буду; — но... *вдохнуть* — все-таки вздохну... и скажу: «Эх-ма!».

Будьте здоровы и не забыва<йте>

искренно уважающего Вас
и предан<ного> К. Леонтьева.

⁶ Далее зачеркнуто: за

^в Было: по-западному ли это все дело

На конверте: В Москву. — На Плющиху;
в собственный дом.
Его высокоородию
Афанасию Афанасьевичу
Шенишину.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ. № 20284. Л. 28–29 об.

¹ Речь идет о большой статье Леонтьева о Толстом «Анализ, стиль и веяние», завершенной в начале 1890 г. и опубликованной в «Русском вестнике» (1890. № 6, 7).

11

12 ноября 1890 г. Оптина Пустынь

12 ноября 1890 г. Опт<ина> П<устынь>.

«Сердце сердцу весть подает», Афанасий Афанасьевич! Я только что собрался Вам послать оттиск моей статьи «Анализ, стиль и веяние»¹ — («Русск<ий> вестн<ик>»), — как получил оба тома Ваших интересных «Воспоминаний». — Спасибо Вам; — я их, конечно, в «Р<усском> в<естнике>» читал;² — но прочесть то же самое в отдельной книге почему-то всегда приятнее и полезнее. — Представление о труде в этом виде — яснее, цельнее; «дифференцированное», если можно так выразиться. — Надо ведь сознаться, что не только газеты, но и журналы суть одно из проявлений того «Вавилонского» *смешения*, к которому, по-видимому, неудержимо стремится соврем<енное> человечество. — Они *смешивают* мысли; путают, затемняют представления.

Свои оттиски я опоздал выслать потому, что заказал одному монаху (переплетчику) сброшюровать их; а другому (краснописцу) исправить (*экземпляров в 18-ти*) опечатки, по одному мною исправленному экземпляру.³ — Ф. Н. Берг недосмотрел; и корректоры напутали много! — («совершенно» — вместо «современно»; «новорождённый глаз» вместо «невооруженный глаз» и т. п.). — Бергу, однако, мысль статьи (противу порчи языка) очень нравится, и он хотел позаботиться об особом издании. — Не знаю, сдержит ли слово.⁴ — Русские приятели и единомышленники, — вы знаете, не надежны! Надежные *очень* редки!

Соловьев (Владим<ир>) находит большой моей заслугой то, что — я отвергаю «гомерический» (это его *слово*) характер «Войны и мира».⁵ — Но неужели есть и были у нас люди, которые уподобляли «В<ойну> и

м<ир>» Илиаде? — «Шекспир»! — (как воскликнул — Флобер⁶) — я понимаю; — но Гомер — это странно. — Гомер *прежде* всего *наивен*; — а у Толстого — никогда наивности и тени ни в чем не было.

Хотя я Льва Николаевича за все его *новейшие проповеди* готов бы был сослать в самое суровое заточение⁷ и не полагаю даже, чтобы было грехом желать его смерти для пользы *истинной* религии, — но так как моя статья до этой проповеди мало касается, а трактует о его действительных и незабвенных заслугах, то думаю один экземп<ляр> этих оттисков и ему в Ясную Поляну послать.⁸ — «Автору — мол — „В<ойны> и м<ира>“, и т. п. но не автору „Моей веры“,⁹ „Исповеди“ и т. д.». — Тем более, что он у меня Велик<им> постом прошлым был и проспорил очень любезно (и очень беспутно) целых два часа.¹⁰

С грустью и участием прочел я о том, что Вы, дорогой Аф<анасий> Аф<анасьевич>, жестоко скучаете. — Это было видно и из некоторых прежних ваших писем.

Я *верю* Вам, я *догадываюсь*, что это должно быть иногда ужасно, вспоминаю при этом две-три эпохи из моей прежней жизни, чтобы уяснить себе Ваше состояние; но *личным чувством* понять Вас, к счастью своему, *не могу*. — *Именно здесь, в Оптиной, именно теперь*, эти последние года — я не знаю что такое *скука*! — Да и вообще — я ее в жизни мало знал; — а когда случалось нечто в этом роде, то помню — это хуже всего на свете! — Послушайте, что я Вам *по секрету* — скажу. — Я помню все ваши беседы хорошо. — Раз — я уходя протянул Вам руку «через порог» — вы *отступили* и меня заставили вернуться, говоря: «без *суеверий* нет человека!». —

Вспомните также — что любимый Ваш Шопенгауер верил в *колдовство* как в *особого рода* естественный факт. — Итак, послушайтесь моего *суеверия* и давайте *поколдуем* вместе.

Вставши утром *каждый день* в течение трех, например, месяцев, *креститесь на образ* и приговаривайте мысленно: «Господи, пошли мне веру в Церковь и в загробную жизнь».¹¹ — И больше ничего! — Придет вера; — пройдет старческая скука (или хоть значительно уменьшится).

Я не могу требовать, чтобы Вы сразу стали чувствовать то, *что я чувствую* — когда читаю или слышу: «Верую во Единого Бога Отца...» «И во Единую Соборную, Апостольскую Церковь»... «Чаю воскресенья мертвых»¹² — И т. д. — Подобной силой *внушения* я не одарен. — Но я прошу Вас допустить сначала, что это *особого рода весьма распространенное* и *миллионам людей* доступное колдовство. — И этого довольно. — В самом решительном согласии на подобный опыт есть уже

некоторый оттенок духовного смирения: «Кто знает! Я наверное не знаю! Нечто мистическое и разумом моим я отвергать не могу!» И т. д. ...

Астафьев совершенно прав, говоря: «Я хочу верить и буду верить!».¹³ — «Хочу» — и потому *стремлюсь*; стремлюсь и потому готов и *просить Кого-то!* — А этот «Кто-то» сказал: «Просите — и дастся Вам; толщите и отверзится Вам».¹⁴

Не доводам моим слабым подчиняйтесь; а верьте моему *личному опыту, точно такому же* ровно 20-ть лет тому назад, на Афоне!¹⁵

Аминь. — Помози Вам Господь; а я Вас очень люблю и жалею *так*, как жалеешь того, которого при этом искренно уважаешь!

Уважающий Вас К. Леонтьев.

P. S. — Мне очень было приятно есть ваши «бифштексы», но, зная доброту Марьи Петровны и любезность ее, я убежден, что ей угощать меня было еще приятнее, чем мне есть. — Будучи осенью этой в Москве¹⁶ и не без хлопот, я позволил себе опять есть мясо и по бессилию, и во избежание лишних забот об *особой* пище, которую доставать труднее; — но, возвратившись домой, я опять от него отказался; ибо я уже третий год — *здесь* не ем его, по благословению старца;¹⁷ и нахожу в этом маленьком отречении большую «*сугверную*» — отраду.

Скажите Вл. С. Соловьеву, что его равнодушие ко мне очень меня огорчает.¹⁸ А ведь он меня *очень* любит.

Бог с ним, право! Такой уж у него фанатизм своей проповеди, что все чувства забываются!

Печатается по подлиннику: РГАЛИ. Ф. 515. Оп. 2. № 3. Л. 1–3 об.

Впервые опубликовано: Русское обозрение. 1893. Т. 20. № 4. С. 842–844.

¹ Оттиски этой статьи Леонтьев разослал многим своим корреспондентам. См.: Письмо К. Н. Леонтьева к архиепископу Виленскому и Литовскому Алексию (Лаврову-Платонову) / Публ. З. И. Ивановой; вступит. ст. и коммент. О. Л. Фетисенко // РЛ. 2002. № 4. С. 157–166.

² Речь идет об издании: *Фет А. Мои воспоминания*: В 2 ч. М., 1890. Впервые мемуары были напечатаны в «Русском вестнике».

³ Подобный оттиск (с исправленными опечатками), подаренный Леонтьевым Д. В. Авсеенко, хранится ныне в Государственном музее Л. Н. Толстого.

⁴ Отдельное издание работы, предпринятое Александровым, увидело свет только в 1911 г.

⁵ Этот отзыв был высказан Соловьевым при встрече с Леонтьевым в Москве в сентябре 1890 г.

⁶ Известный отзыв Г. Флобера о «Войне и мире» в письме к И. С. Тургеневу (1880), сообщенный Тургеневым Толстому.

⁷ См. примеч. 10 к наст. письму.

⁸ В яснополянской библиотеке эти оттиски не сохранились. Возможно, Леонтьев не исполнил своего намерения.

⁹ Речь идет о статье Толстого «В чем моя вера?» (1883–1884), широко распространенной в рукописных и гектографических копиях.

¹⁰ Л. Н. Толстой (Леонтьев познакомился с ним в апреле 1878 г. в Москве; см.: *Леонтьев*. Т. 6. Кн. 2. С. 615) приезжал в Оптину пустынь 27–28 февраля 1890 г. На второй день он сделал ироничную запись в дневнике: «Был у Леонтьева, прекрасно беседовали...» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1952. Т. 51. С. 23; о поездках Толстого в Оптину пустынь см.: Из записок графини Софии Андреевны Толстой под заглавием «Моя жизнь». Четыре посещения гр. Льва Николаевича Толстого монастыря «Оптина Пустынь» // Толстовский ежегодник 1913 года. СПб., 1914). О беседе с Толстым подробно рассказано в письме Леонтьева к Филиппову от 14 марта 1890 г. (*Леонтьев К. Н.* Из эпистолярного наследия: Письмо к Т. И. Филиппову / Публ. и примеч. Г. Б. Кремнева // Трибуна русской мысли. 2002. № 3. С. 120–127) и в письме к Губастову от 10 декабря 1890 г.: «Был ведь он и у меня прошедшим великим Постом. — Просидел часа два и проспорил; был очень любезен; обнимал; целовал; звал: „голубчик К<онстантин> Н<иколаевич>ч!“¹¹. Конечно — говорил и мне все то же <...> я спорил даже только „du bout des lèvres“ (притворно, принужденно — *франц.*). — На что? — Человек доволен своими взглядами; такого, да еще и старого — сразу не собьешь. — Но под конец свидания и беседы я сказал ему: „Жаль, Л<ев> Ник<олаевич>, что у меня нет достаточно гражданского мужества написать в Петерб<ург>, чтобы за вами следили повнимательнее и при первом поводе сослали бы в Тобольск или дальше под строжайший надзор; — сам я прямого влияния не имею; — но у меня есть связи, и мне в Петерб<урге> *вероят* сильные мира сего“¹². — А он в ответ, простирая ко мне руки:

— Голубчик, напишите, сделайте милость... Я давно этого желаю и никак не добьюсь!

Я Филиппову *описал* в точности этот разговор — без особых заключений; но, конечно, если бы знал, *что меня послушают*, — то я и не тайно только, но и всенародно готов это сказать в газетах. — Но думаю, что наше высшее пра<вительств>во, которое, кажется, теперь робостью особой не грешит, *обдуманно* не налагает на него рук: — *Опасаются усилить еще более его вредную популярность*» (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. № 28. Л. 216 об.–217).

¹¹ Сходный совет он дал в июне 1891 г. И. Л. Щеглову-Леонтьеву: «Чтобы уверовать — каждый день на ночь просить: „Господи Иисусе Сыне Божий, дай мне веру!“¹³. — И — получишь просимое» (см.: *ИРЛИ*. № 1419. Л. 26 об.). О пользе «принудительной» (имеется в виду самопринуждение) молитвы Леонтьев писал в книге «Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной пустыни» (*Леонтьев*. Т. 6. Кн. 1. С. 278).

¹² 1, 9 и 10 члены Никео-Цареградского Символа веры.

¹³ Цитируется высказывание философа, профессора Катковского лицея *Петра Евгеньевича Астафьева* (1846–1893).

¹⁴ Мф. 7: 7.

¹⁵ Леонтьев вспоминает здесь о своем религиозном обращении, пережитом в июле 1871 г., и о последовавшем за ним длительном пребывании на Афоне.

¹⁶ Леонтьев отправился в Москву 16 августа, а вернулся в Оптину 17 сентября 1890 г.

¹⁷ Речь идет о преп. Амвросии Оптинском (1812–1891).

¹⁸ В это время Соловьеву уже была послана первая редакции писем «Кто правее?» (он должен был выступить третейским судьей в полемике Леонтьева с П. Е. Астафьевым по национальному вопросу). Чтение и написание ответа все откладывались Соловьевым, что весьма беспокоило Леонтьева. Переданный через Фета отзыв о его «равнодушии» должен был, по расчету автора письма, побудить Соловьева к каким-либо действиям.

12

23 января 1891 г. Оптина Пустынь

23 января 1891 г. Опт<ина> П<устынь>.

Я очень опоздал поблагодарить Вас, многоуважаемый Аф<анасий> Аф<анасьеви>ч, за присылку последней части Ваших милых и благоухающих «Вечерних огней»;¹ — много в них хорошего, но больше всего меня восхищает Ваше *великолепное à propos*,² на стр. 24; № XVI.² — Этот «конник» и «витязь» и т. д.³

Вот это я люблю — *поэзия правды*.

Опоздал я потому, что почти целый месяц проболел.⁴ — Теперь мне лучше и я могу вернуться и к заботам, и к удовольствиям,⁶ к которым принадлежат, несомненно, и мои хорошие отношения с Вами. — М<арье> П<етров>не мое искреннее и глубокое почтение.

С Новым годом!..

Ваш К. Леонтьев.

На обороте открытого письма:

В Москву.

На Плющихе; в собственном доме.

Его высокородию

Афанасию Афанасьевичу

Шеншину.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20284. Л. 31.

¹ на случай (франц.).

⁶ *Далее зачеркнуто*: из коих

¹ Имеется в виду четвертый выпуск «Вечерних огней» (цензурное разрешение — 31 октября 1890 г.). Судя по указанию на задержку ответа на месяц, Фет послал книгу Леонтьеву как рождественский подарок.

² Речь идет о стихотворении «На бракосочетание Их Императорских Высочеств В. К. Павла Александровича и В. К. Александры Георгиевны». См. примеч. 7 к письму 9.

В несохранившемся письме Фет благодарил за этот отклик, а 22 июля 1891 г. еще раз вспомнил о нем: «В свое время я уже писал Вам, до какой степени Вы очастливили мою лабораторию, указав на удачу самого трудного стихотворения, эпиталамы В<еликому> К<нязю> Павлу Александровичу. Мне приходилось на веку писать и удачные, и неудачные стихотворения; но почему кроме Вас никто прямо пальцем не указал на эпиталаму, которую я внутренне так гордился?» (Philologica. 1996. Vol. 3. № 5/7. С. 297).

³ Имеются в виду ст. 7–8:

Не ты ли, витязь удалой,
Красавец, царский конник, Павел?

⁴ Леонтьев заболел в рождественский сочельник, 24 декабря 1890 г. (см.: *Леонтьев*. Т. 8. Кн. 2. С. 1247).

13

25 апреля 1891 г. Оптина Пустынь

25 апр<еля> 91. Опт<ина> П<устынь>.

Христос Воскресе — Афанасий Афанасьевич! — Благодарю за красное яичко (*Марциала*), которое вчера получил.¹ — Спасибо, что не забываете!!

Тотчас же по получении, — просмотрел первую часть и вижу, что из этого труда действительно много <можно> извлечь наглядного для понимания римской жизни.² — Вы с этой стороны Вашими переводами много меня просветили.

Марье Петровне мое глубокое уважение.

Ваш от всей души К. Леонтьев.

На обороте открытого письма:

Моск<овско>-Курская железн<ая> дорога.
Станция — Коренная Пустынь.
Его высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шенишину.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20284. Л. 32.

¹ Речь идет о книге: *M. V. Martialis Epigrammata = М<арка> В<алерия> Марциала* Эпиграммы в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1891. Ч. 1–2.

² Леонтьев откликается на слова из предисловия гр. А. В. Олсуфьева к этой книге: «...он (Марциал. — О. Ф.) является <...> замечательно верным бытописателем, без которого многое из римской жизни эпохи кесарей осталось бы для нас, незвирая на Светония и Диона, совершенно непонятным...» (Там же. Ч. 1. С. X).

14

28 июля 1891 г. Оптина Пустынь

28 июля 91. Опт<ина> П<устынь>.

Я очень обрадовался Вашему письму,¹ дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич; рад был, конечно, и ободрительным похвалам Вашим по поводу памятника Каткову² (на который, также как и Муравьевский³ — я при 1-й возможности с радостью что-нибудь пожертвую); но, к искренней досаде моей, не могу на этот раз, говоря *по совести*, отплатить Вам тою же приятною монетою по поводу Вашего нового стихотворения.⁴ — Зная, что Вы не боитесь правды (да и^a создавши так много прекрасного,^b образцового и бессмертного — не должны ее бояться в отдельных случаях), — я скажу прямо: стихотворение это неудачно и даже *очень нехорошо!*

Я бы на Вашем месте не стал бы его печатать. — Что делать! «Et bonus dormitat Homerus»^b.⁵ иногда! (Так ли я написал по латыни?). — Начиная с того, что содержание неудовлетворительно: — напр<имер>, почему *теперь* Королева эллинов несет нам «Христа»?⁶ — Россия^г и без ее помощи давно Христа исповедует. — И еще: почему Вы говорите вначале, что *св. Ольга*^д «когда-то душу живу за веру грекам отдала»?⁷ — Я этого не понимаю. — Раз^e Вы говорите сочувственно о крещении *православном*, то, чтобы не впасть в противоречие с самим собою, надо держаться понятий православной веры; — отцы же церкви в подобных случаях говорят, что человек приобрел «душу живу» (через крещение); — ибо — безверие или многобожие суть условия *духовной*

^a Далее начато и зачеркнуто: сдел<авши>

^b Далее зачеркнуто: и

^в «И добрый Гомер дремлет» (лат.).

^г Перед этим зачеркнуто: Мы

^д Подчеркнуто два раза.

^e Перед этим зачеркнуто: что

смерти. — С принятием веры от греков — кн<ягиня> Ольга приобрела права на вечную и блаженную жизнь души своей за гробом; не она отдала грекам «душу живу», а греки ей дали эту самую душу; — она с верой вместе взяла ее, напротив того. — Или, если стараться понять эти первые стихи в каком-нибудь не прямо церковном смысле, а в аллегорическом, — то надо отыскать в истории, в преданиях какие-нибудь такие факты, которые бы доказывали, что Ольга греческой вере (или положим — грекам, по пиитической свободе) принесла в жертву что-нибудь такое, что зовется «живым» не в церковном смысле; например, русским патриотическим чувством, политическими интересами своей земли, или сердечной страстью какой-нибудь, или своим высоким положением и т. д. Но ведь и этого не было.

Это насчет Ольги «древней»; — а насчет Ольги современной тоже следует сделать замечание: *благость* — это хорошо; ибо все говорят, что Ее Величество чрезвычайно привлекательна и добра; — но о *красе* — упоминать в стихах, посвященных 40-летней женщине, — не знаю — удобно ли? — Мужчины иные и в 60 лет бывают именно красивы; — но женщины? Величественны; изящны; симпатичны — да; — но красивы собственно лицом — после 40 лет едва ли! — Не знаю* — впрочем; чтобы судить об этом, надо самому видеть.⁸

Не могу также одобрить и выражение: «древа жизни ветья».⁹ — Я не прочь от оригинальных слов, особенно если необходимы для рифмы; — но все-таки скажу, что одно новое слово — нравится, а другое нет. — «Ветье» мне не нравится, — по инстинкту.

Не нравится также и последний стих: «Христоносец — Христофор».¹⁰ — Я даже не знаю, кто это — Христофор? Но догадываюсь, что это должен быть младший греческий принц;¹¹ ребенок, о котором я не слышал и которого имени, кажется, нет и в Календаре Сытина.¹² — Итак, если дело идет об юном эллинском принце — то что-нибудь одно — или надо предположить, что перевод греческого слова «Христоф<ор>» — на русский «Христоносец» — имеет какое-нибудь особое значение, вроде значительного влияния этого Христофора на религию; или вроде того что он сам какой-нибудь аскет о Христе. — Если³ же он ребенок или отрок,¹¹ от которого ни того, ни другого ожидать нельзя — то следует это русско-греческое удвоение — признать вовсе бесполезным и не изящным!

* Далее зачеркнуто: что

³ Перед этим зачеркнуто: А

¹¹ Далее зачеркнуто: к которому

Вот — Вам откровенная, но не *лестная* моя на *этот раз* критика; уж простите! И похвалам моим надо верить; и порицания принимать незлобно. — Да я и убежден, что Вы не только не прогневаетесь на меня за это; а даже хоть немножко да согласитесь, подумавши, со мною. — Кто ж не ошибался?! Вот — хоть бы я, — насчет Германии и Франции. — Я в этом отношении долго находился под влиянием Данилевского, который был убежден, что Восточный вопрос может быть решен в нашу пользу не иначе, как с помощью Германии; а что соглашению или союзу России с Францией, *вопреки здравому смыслу*, всегда препятствовало и будет препятствовать нечто *таинственное*, некий исторический *fatum*.¹³ — И я так верил до *нынешнего* года; и я думал вослед за Данилевским: «Хорошо бы сойтись с Францией и, обещая ей не только возврат Альзаса и Лотарингии, но, пожалуй, и всю Бельгию, себе выговорить *только*^к право по *собственному усмотрению* распорядиться на Балканском полуострове и в Малой Азии; — да — но уж не *слишком* ли это хорошо? И не *слишком* ли это уж *просто*? — Так ли идут дела в истории? Не посложнее ли?» И т. п. Еще в 88-м году я печатал в «Гражд<анине>», что мне верится, будто в *последнюю*, решительную минуту Германия вынуждена будет предать Австрию, а Россия — Францию.¹⁴ — После отставки Бисмарка¹⁵ я стал думать иначе и теперь начинаю верить, что мы с Данилевским ошиблись и что в неизбежной войне за последние расчеты века — мы будем заодно с г. Карно¹⁶ и К^о. Не особенно это красиво и приятно; — но видно иначе *нельзя*!!.

Видите — всякий может сознать свои ошибки, — и я готов при случае даже и печатно (и охотно!) сознаться в этой ошибке. — Надеюсь, что и при этом сознании — в моих книгах найдется достаточно политической правды и даже прозорливости, чтобы не опасаться слишком за свою *ценность*. — Я думаю, что и Вы в таком же положении; если не в лучшем. — Ибо мое значение все-таки многими до сих пор не признано; — а Ваше значение в истории русской поэзии — раз навсегда незыблемо! И если я ничуть не смущаюсь при мысли о нескольких промахах моих, то может ли один случай самой строгой критики почитателя смутить поэта, который дал миру такие стихотворения — как «*Фантазия*»; «*Шепот, робкое дыханье*»; — «*Растут, растут причудливые тени*»;¹⁷ «*Оды*» Горация; целый ряд превосходных антологических пьес; новую эту эпиталаму Велик<ому> Кн<язю> Павлу и т. д. и т. д. ... Конечно — нет! — И я даже так уверен в этом, что хочу^а позволить себе

^к Подчеркнуто два раза.

^а Далее начато и зачеркнуто: сдел<ать>

некую неслыханную и неприличную дерзость; хочу сказать Вам: «Королеве эллинов писать послания нетрудно; — ее симпатичность, ее благосклонность к Вам, ее сан и изящество ее — самое *имя*^м это ее — Ольга, напоминающее великое событие древней Руси, — это все — готовый матерьял и благодарные условия; — а Вы вот теперь, чтобы доказать, что не сердитесь на автора книги: „Восток, Россия и Славянство“¹⁸ за его прямоту, напишите-ка *ему* — *самому* послание *по поводу* этой самой книги — которой дух Вам так нравится — и напечатайте его в „Русск<ом> вест<нике>“ или „Русск<ом> обзор<ении>“.¹⁹ Вот это будет — по-рыцарски, как и следует поэту, дворянину и хорошему царедворцу (камергеру)».²⁰

Аминь!

Марье Петровне сердечный привет, глубокое почтение и благодарность за то, что меня грешного помнит.

Ваш К. Леонтьев.

На конверте: По Московско-Курской жел<езной> дор<оге>.

Станция — Коренная Пустынь.

Его высокоблагородию

Афанасию Афанасьевичу

Шеншину.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20284. Л. 33–34 об.

Фрагменты письма впервые опубликованы: *Березкина С. В.* О пятом выпуске «Вечерних огней» Фета // *РЛ*. 2009. № 2. С. 131–133.

¹ Леонтьев отвечает на письмо Фета от 22 июля 1891 г. (*Philologica*. 1996. Vol. 3. № 5/7. С. 296–297).

² Фет откликается на статью Александра Арсеньевича Шевелева (1869–1911) «М. Н. Катков» (*МВед*. 1891. 20 июля. № 198. С. 4), в которой сочувственно цитировалась леонтьевская статья «Г. Катков и его враги на празднике Пушкина» (1880), вошедшая во второй том его сборника «Восток, Россия и славянство»: «Если бы у нас, русских, была бы хоть искра нравственной смелости и того, что зовут умственным творчеством, то можно было <бы> сделать и неслыханную вещь: *заживо политически канонизировать Каткова*. Открыть подписку на памятник ему, тут же близко от Пушкина на Страстном бульваре. <...> Пусть это будет крайность, пусть это будет неумеренная вспышка реакционного увлечения. Тем лучше! Тем лучше! Пора учиться, *как делать реакцию...*» (*Леонтьев*. Т. 7. Кн. 2. С. 199).

³ Имеется в виду «усмиритель Польши», граф *Михаил Николаевич Муравьев-Виленский* (1796–1866), о котором Леонтьев неоднократно (и не без эпатажа) вспо-

^м *Подчеркнуто два раза.*

минал в своих публицистических статьях. Близкую позицию занимал и Фет (см. стихотворение «<Ф. И. Тютчеву>» («Нетленностью божественной одеты...») и коммент. к нему: *Фет. ССулП.* Т. 1. С. 379, 504).

⁴ Речь идет о стихотворении «Королеве эллинов Ольге Константиновне» (1891). См. об этом подробнее во вступит. статье.

⁵ Неточная цитата из «Науки поэзии» Горация (*Ars poetica*, 359). Должно быть: «...quandoque bonus dormitat Homerus» (иногда и добрый Гомер дремлет).

⁶ Имеются в виду строки из присланного Фетом стихотворения: «Несет нам Ольга Королева / Красу и благость и Христа». В последней редакции они стали звучать так: «Несет нам Ольга Королева / Красу и Божью благодать».

⁷ Цитируются первые два стиха. Фет после критики Леонтьева заменил их на следующие: «Когда-то Ольга душу живу / У греков в вере обрела», но так объяснял первоначальный вариант в своем ответном письме: «Насчет „душу живу“ — вполне согласен, так как мое понимание в смысле всей духовной основы, лежащей в сердечной глубине всякого верующего, какого бы исповедания он ни был, хотя бы даже славянского. Эту „душу живу“ Ольга променяла у греков на мистическую „душу живу“. Но этот смысл лежит слишком далеко, а потому куплет этот требует радикального изменения в общепонятный» (*Philologica*. 1996. Vol. 3. № 5/7. С. 298).

⁸ Фет отвечал на это: «Королева принадлежит к числу женщин, превосходящих красотой в 40 лет своих красивых дочерей» (Там же. С. 299).

⁹ Имеются в виду строки из второй строфы: «Склонилось древа жизни ветье / Неувядающей весной». Собирательное слово «ветье» (имеющееся, как показал Фет в ответном письме, и в словаре Даля) поэт отстоял и в последней редакции сохранил. См.: Там же. С. 298.

¹⁰ Последняя строфа выглядела так: «Полней опять семья родная, / И снова восхищает взор / И Ольга царственно благая / И Христоносец Христофор». Согласившись с критикой Леонтьева, хотя и доказав поэтическую обоснованность первого варианта (см.: Там же. С. 299), Фет исправил строфу так: «Полней семья ее родная / И снова восхищает взор / И Ольга царственно благая, / И вестник счастья Христофор».

¹¹ *Христофор* (1888–1940) — младший сын короля Георга I и королевы Ольги.

¹² Ежегодное издание, выпускаемое товариществом И. Д. Сытина.

¹³ См.: *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. С. 383–384 (гл. XVI. Борьба).

¹⁴ Имеется в виду начало IX «письма» статьи «Национальная политика как орудие всемирной революции»: «Признаюсь, мне почему-то, сам не знаю, все кажется, что на этот еще раз войны между Германией и Россией не будет и что сила обстоятельств вынудит их пожертвовать друг другу Австрией и Францией» (*Леонтьев.* Т. 8. Кн. 1. С. 536).

¹⁵ Это событие произошло в начале марта ст. ст. 1890 г. Леонтьев косвенно откликнулся на него в статье «„Московские ведомости“ о двоевластии», оставшейся незавершенной. В продолжении цитированного выше фрагмента статьи «Национальная политика...» о Бисмарке, отставки которого в то время еще никто не мог предвидеть, говорилось: «Умри завтра Бисмарк, я бы воскликнул: — „погибла Германия!“». Без Бисмарка она не найдет предлежащего ей безвредного пути. Но пока Бисмарк жив, инстинкт его практического призвания, быть может, подучит его не

противиться слишком явно и сильно славянскому племенному движению» (Там же. С. 536–537).

¹⁶ Мари-Франсуа Сади Карно (Carnot; 1837–1894) — президент Франции с 1887 г. Ср. резкий отзыв о нем в письме Леонтьева к К. А. Губастову от 1 июля 1888 г.: *РЛ*. 2004. № 1. С. 121. См. также: *Леонтьев*. Т. 8. Кн. 1. С. 531.

¹⁷ Это стихотворение упоминается в незавершенном романе Леонтьева «От осени до осени» (*Леонтьев*. Т. 5. С. 53).

¹⁸ Двухтомное собрание статей Леонтьева, изданное в Москве в 1885–1886 гг.

¹⁹ «Русское обозрение» — журнал, выходивший в Москве в 1890–1898 гг. под редакцией Д. Н. Цертелева; с 1892 г. редактором был А. А. Александров.

²⁰ Просьба Леонтьева Фетом исполнена не была.

15

7 августа 1891 г. Оптина Пустынь

7 авг<уста> 91. Опт<ина> П<устынь>.

Я предвидел или вернее — предчувствовал, что Вы мою критику примете хорошо, многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!¹

В этом исправленном виде — стихотворение стало несравненно лучше и смысл точнее.

В этом виде — я ничего против него не имею; — хотя до приветствия В<еликому> Кн<язю> Павлу Ал<ександровичу> — ему все-таки (простите!) далеко.

Много распространяться на этот раз не могу, ибо чрезвычайно занят приготовлениями к *переезду на Троицко-Сергиевский Посад на постоянное жительство*.²

Все хорошо бы, только одно мне не по сердцу — это то, что Вы «уклоняетесь» *молча* от^a ответа на мое дерзновенное Вам предложение — попытаться выразить в стихах нечто подобное тому, что Вы не раз выражали мне и на словах и в письмах. — «Щелчок!» За мою отвагу и легкомыслие!³

Прощайте; до скорого свидания.

Авось Бог приведет в Москве увидаться.

Марье Петр<овне> мое глубокое уважение.

Неизменно уважающий и

любящий Вас

К. Леонтьев.

^a Далее зачеркнуто: моего д<ерзновенного>

На конверте: По Московско-Курской жел<езной> дор<оге>.
Станция Коренная Пустынь.
Его высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу
Шенину.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20284. Л. 36–36 об.

¹ Леонтьев отвечает на письмо Фета от 2 августа 1891 г. (*Philologica*. 1996. Vol. 3. № 5/7. С. 298–300).

² Письмо написано незадолго до тайного монашеского пострига Леонтьева, состоявшегося 18 августа 1891 г. В Сергиев Посад он переехал 30 августа, по пути туда побывав ненадолго и в Москве. Увидеться с Фетом ему больше не удалось.

³ См. письмо 14 и примеч. 20 к нему.